PROCESSED
APR 25 2007
GTU LIBRARY

ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе къ журналу

„Православная Русь".

5

МАЙ 1958 MAY

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.

Entered as second-class matter at the post office at Jordanville, New York

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE
at the GRADUATE

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово въ день Вознесенія Господня митрополита московскаго Филарета 3

Вознесеніе Господне. Іюнь 1861 8

Троицынъ день (К. П. Побѣдоносцева) 9

Кантемиръ (1708 - 1744). Къ 250 - лѣтію со дня его рожденія. Архим. Константинъ 13

Чудо Божіей милости. Е. Н. 16

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Страданіе св. мученицы Пелагіи 20

Житіе св. великомученицы Ирины 22

Училище благочестія.

Приснопамятнаго еп. Игнатія Брянчанинова. О молитвѣ Іисусовой 29

ИМѢЮТСЯ НА СКЛАДѢ:

ЖИВОЙ КОЛОСЪ

Съ духовной нивы отца Іоанна Кронштадтскаго.
(Печаталось въ «Православной Жизни» въ 1956 г.).
85 стр. Цѣна 1 долларъ.

МУЖЪ ВѢРНОСТИ И РАЗУМА.

Къ 50-лѣтію кончины К. П. Побѣдоносцева.
Н. Д. Тальбергъ. 88 стр. Цѣна 0.75 центовъ.

ОТКРОВЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ СТРАННИКА ДУХОВНОМУ СВОЕМУ ОТЦУ.

I-я и II-я части вмѣстѣ 293 стр.. Третье изданіе. Парижъ. Цѣна $ 2, 25.

БОГОМОЛЬЕ, Ив. Шмелевъ. 189 стр. изд. второе. Парижъ.
ЛѢТО ГОСПОДНЕ. Ив. Шмелевъ. 527 стр. Парижъ.
Цѣна 4.00 доллара.

Слово

въ день вознесенія господня

митрополита московскаго филарета.

Зрящимъ имъ взятся, и облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ (Дѣян. **1,** 9).

Зрящимъ одиннадцати Апостоламъ вознесся Господь. Безъ свидѣтелей воскресъ: при свидѣтеляхъ вознесится. Каменный, запечатанный гробъ скрывалъ славу воскресенія во мгновеніе воскре-

сенія: свѣтлый, прозрачный облакъ являетъ славу вознесенія, когда оно совершается. Отъ чего сія разность? — Отъ того, можетъ быть, что, какъ воскресеніе Господа, послѣ сошествія Его во адъ, было шествіе изъ ада въ Рай, то негдѣ было поставить свидѣтелей, а надлежало свидѣтелями онаго быть отшедшимъ отъ земной жизни Патріархамъ и Пророкамъ: вознесеніе же Господа, какъ шествіе отъ земли на небо, естественно могло имѣть свидѣтелями Апостоловъ, стоящихъ на землѣ, и взирающихъ на небо. Притомъ, довольно было видѣть воскресшаго послѣ воскресенія, чтобы свидѣтельствовать о самомъ воскресеніи: а вознесеніе съ земнородною плотію на небо, надобно было видѣть въ самомъ дѣйствіи, чтобы послѣ о томъ свидѣтельствовать. Возможно ли, скажетъ плотской разумъ, чтобы земнородная плоть вознеслась на небо? — Мы отвѣтствуемъ: нѣтъ нужды умствовать о возможности дѣла, когда самое дѣло видѣли и засвидѣтельствовали люди, которые за истину сего свидѣтельства умереть не отреклись. **Зрящимъ имъ взятся.** Но только ли для увѣренія невѣрующихъ показалъ Господь Свое вознесеніе? — Безъ сомнѣнія, и для поощренія вѣрующихъ. **Аще убо воскреснусте со Христомъ,** говоритъ Апостолъ; если, — скажемъ еще, — вы видѣли Его возносящагося на небо, и въ семъ новомъ торжествѣ Его также участвовать желаете: **вышнихъ ищите, идѣже, есть Христосъ одесную Бога сѣдя; горняя мудрствуйте, а не земная** (Кол. III. 1. 2.).

Что значитъ **горняя мудрствовать?** Не правда ли, что сіе не довольно понятно? А если ты сего не понимаешь: то, хочешь или не хочешь, ты долженъ признаться и въ томъ, что сего не дѣлаешь, то есть, не мудрствуешь горняя: ибо кто дѣлаетъ, тотъ уже знаетъ дѣло, которое онъ дѣлаетъ. Если же не мудрствуешь горняя, то и не взойдешь въ горняя, туда, **идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя**. Но если ты не взойдешь туда, гдѣ Христосъ одесную Бога: то, подумай, земнородный, что съ тобою будетъ, когда видимыя небо и земля прейдутъ, и внѣ горняго царствія Христова ничего не останется, кромѣ ада? Смотри, какъ земля подъ тобою рушится, и адъ разверзается: нѣтъ инаго средства спасенія, какъ всею силою держаться за горнее. Надобно учиться **горняя мудрствовать, а не земная.**

Учиться **мудрствовать!** — Не устрашился бы кто сего требованія. Не подумалъ бы, что его хотятъ подвергнуть многоразличнымъ трудностямъ, съ которыми сопряжено пріобрѣтеніе того, что на земли называютъ мудростію; и къ которымъ должно причислить самыя средства мірской мудрости, — множество учителей, одинъ другому противорѣчущихъ, множество книгъ нерѣдко дѣйствующихъ какъ на глазъ, такъ и на умъ, только вредною пылью. Не опасайтесь. Учиться мудрствовать по Евангелію

не то, что учиться мірской мудрости. Мудрствованіе горнее не столь зависимо отъ внѣшнихъ средствъ, не требуетъ столь многихъ пособій, не такъ ограждено трудностями, какъ мудрость мірская, хотя и оное пользуется внѣшними средствами, не отвергаетъ пособій, не изъято и отъ трудностей своего рода. Апостолъ, который написалъ намъ заповѣдь, **горняя мудрствовать,** пользуется средствами и пособіями земной мудрости, бывъ **воспитанъ при ногахъ ученаго Гамаліила:** но потомъ все сіе, равно какъ и другія преимущества, отвергъ, какъ **тщету** и **уметы, за превосходящее разумѣніе Христа Іисуса, и да Христа пріобрящетъ** (Фил. III. 7. 8.); слѣдственно возвышался въ мудрствованіи горнемъ, не смотря на то, что въ то же время отвергалъ средства и пособія земной мудрости. Другіе Апостолы только рыбарскія сѣти вязать, а не книжныя мудрствованія распутывать учились: но сіе не препятствовало имъ, не только успѣвать въ мудрствованіи горнемъ для себя, но и содѣлаться наставниками онаго для самыхъ мудрецовъ. Такъ и послѣ Апостоловъ, Василій Великій пріобрѣлъ мудрость Аѳинскую, и отдалъ ее въ рабыню мудрованію Евангельскому. Арсеній, также Великій, обладая ученостію Еллинскою и Римскою, находилъ себя довольно несвѣдущимъ, а старца, необразованнаго Египтянина, довольно свѣдущимъ, чтобъ учиться у него начаткамъ духовной мудрости. И такъ мудрствованіе горняго, хотя и для мудрецовъ еще высоко, но вмѣстѣ и для младенцевъ довольно просто. **Яко,** Ты, **Отче Господи небесе и земли, утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ** (Матѳ. XI. 25).

Что же значитъ **горняя мудрствовать?** — Повторяю: если ты сего не понимаешь; то видно, что ты сего не дѣлаешь. А если ты не мудрствуешь **горняя:** то нѣтъ сомнѣнія, что мудрствуешь **земная,** и слѣдственно это ты уже знаешь. И такъ, что ты дѣлаешь, когда мудрствуешь земное, на примѣръ, когда умудряешься, какъ бы сдѣлаться богатымъ? — Ты желаешь богатства; часто думаешь о немъ; вымышляешь средства для пріобрѣтенія и умноженія онаго; самымъ дѣломъ употребляешь сіи средства; что ни дѣлаешь, дѣлаешь съ намѣреніемъ пріобрѣсть и умножить богатство; въ обладаніи богатствомъ полагаешь свое благополучіе. По сему примѣру, можно сказать вообще, что **мудрствовать земная,** значитъ земнаго желать, о земномъ думать, земное дѣлать, земное имѣть въ намѣреніи, въ земномъ полагать благополучіе. Перемѣни предметъ, и окажется, что значитъ **мудрствовать горняя.** Сіе значитъ горняго, то есть небеснаго, или иначе духовнаго и Божественнаго, желать, о небесномъ думать, небесное дѣлать, или, по изреченію Евангельскому, **дѣлать дѣла Божія,** небесное имѣть въ намѣреніи, въ небесномъ полагать блаженство.

Какъ трудно! — подумаютъ нѣкоторые. Чтобы небесное имѣть и въ мысляхъ, и въ желаніяхъ, и въ дѣлахъ, для сего надобно земному человѣку перемѣнить и дѣла, и желанія, и самыя мысли. Не спорю, что это нужно, и что это не совсѣмъ легко. Но чтоже дѣлать? Взойти на высоту труднѣе, нежели упасть въ бездну. И такъ лучше ли упасть въ бездну?

Трудно мудрствовать горняя: но не трудно ли мудрствовать и земное? Легко ли, на примѣръ, для человѣка любостяжательнаго принятое имъ мудрованіе? Онъ трудится день и ночь; лишаетъ себя пищи и покоя; иногда оставляетъ домъ; удаляется отъ близкихъ сердцу; проходитъ сушу; пускается въ море; нисходитъ въ глубину земли; мучится то алчбою обрѣтенія, то заботою сбереженія, то страхомъ возможной, или отчаяніемъ дѣйствительной потери. Если такія трудности заставляетъ переносить мысль, обогатиться на земли сокровищемъ тлѣннымъ, на краткое время: неужели не стоитъ подвига мысль, пріобрѣсть горнее сокровище, нетлѣнное, на вѣки?

Трудно земному человѣку мудрствовать горняя: однако жъ и зерно пшеницы, погребенное въ землѣ у ногъ твоихъ, не мудрствуетъ ли горняя своимъ образомъ? Оно разверзается; пробивается росткомъ сквозь землю вверхъ, борясь съ ея и своею тяжестію; растетъ выше и выше; и, стремясь непрестанно горѣ, процвѣтаетъ и приноситъ плодъ. Не ужели ты думаешь, что земному человѣку, меньше, нежели пшеничному зерну, дано силы возникнуть въ горнюю область по роду своему?

Трудно земному человѣку мудрствовать горняя: но полно земной ли ты, человѣче? То ли собственно человѣкъ, что изъ земли берется, и въ землю возвращается? Не есть ли сіе только одежда твоя, или, если угодно, темница твоя? А ты самъ, истинный человѣкъ, — ты дыханіе жизни, происшедшее изъ устъ Самого Бога, по реченному: **вдуну въ лице его дыханіе жизни, и бысть человѣкъ въ душу живу** (Быт. II. 7). И такъ если, какъ земному, трудно, то, какъ горному, не легко ли тебѣ мудрствовать горняя? Трудно ли огню итти горѣ, гдѣ его естественная область? Трудно ли камню падать на землю, гдѣ онъ родился? Трудно ли духу человѣческому стремиться къ горнему, приближаться ко Всевышнему? Если паденіе ветхаго Адама превратило стремленіе человѣка отъ горняго къ дольнему и преисподнему; то воскресеніе и вознесеніе новаго Адама, Богочеловѣка Іисуса Христа, не съ сугубою ли силою обратило сіе стремленіе въ первоначальное направленіе, не поставило ли лѣстницу къ небесамъ? Сошествіе Святаго Духа не возжгло ли въ человѣчествѣ духовно горящій огнь, естественно горѣ идущій, и горѣ влекущій то, въ чемъ онъ обитаетъ?

Еще ли трудно и послѣ сего мудрствовать горняя, хотя бы для сего надлежало и дѣла, и желанія, и мысли перемѣнить?

Но какъ оставить земныя дѣла, желанія и мысли, когда земное насъ окружаетъ, когда земное намъ необходимо для земной жизни? Примѣчай за собою, какъ оставляешь ты горнее, для земнаго мудрованія, и найдешь очень простой способъ оставлять земное для горняго. Ты сокращаешь для себя время дѣлъ благочестія, чтобы имѣть болѣе времени для дѣлъ мірскихъ; иногда идешь во храмъ Божій, а между тѣмъ еще думаешь о томъ, что занимаетъ тебя въ домѣ твоемъ, даже иногда въ то время, какъ стоишь тѣломъ во храмѣ молитвы, мысль твоя уходитъ туда, куда влечетъ ее земное мудрствованіе, или страсть въ тебѣ господствующая; самыя духовныя упражненія твои повреждаются приходящими среди ихъ земными воспоминаніями. Поступай противнымъ сему образомъ. Дѣлай дѣла, необходимыя для земной жизни: но старайся не простирать ихъ далѣе необходимости, и по мѣрѣ возможности освобождать себя отъ сей работы, въ свободу дѣлъ благочестія. Не только предстоя Богу во храмѣ, удерживай мысль отъ уклоненія къ земнымъ вещамъ, но и внѣ онаго, когда по необходимости занимаешься вещами земными, отвлекай отъ нихъ мысль и желаніе, и возводи къ небесамъ и къ Богу. Когда идешь на дѣло мірское: воспоминай Бога, и проси Его благословенія и помощи; когда входишь въ покой отъ сего дѣла, воспоминай Бога, и благодари Его за помощь въ трудѣ и за даръ покоя. Такъ можно со всякимъ земнымъ, закону Божію не противнымъ, упражненіемъ соединять духовное мудрствованіе, и, такъ сказать, все земное и видимое превращать въ горнее и духовное. **Егда воззриши на солнце,** учитъ Святый Макарій, **ищи истиннаго Солнца, яко слѣпъ еси. Когда прострешн взоръ на свѣтъ, обратися оттуда очами къ душѣ твоей, и виждь, имѣеши ли въ ней истинный и благій свѣтъ, сирѣчь Господа** (Бесѣд. 33.).

Свѣтъ Господа нашего Іисуса Христа да просвѣщаетъ, духъ Его да укрѣпляетъ, послѣдованіе слову и житію Его да возводитъ каждаго изъ насъ къ мудрствованію горнему на земли, а чрезъ то и къ блаженному лицезрѣнію Его на небесахъ, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя. Аминь.

Вознесеніе Господне.

Іюнь 1861.

Слово плоть бысть и вселися въ ны. Богъ всесильный и непостижимый, Богъ духъ, въ свѣтѣ живый неприступномъ — плоть бысть и вселился въ ны. Возлюбивъ насъ, Онъ соединился видимымъ образомъ съ нашею природой и сталъ — единъ отъ насъ, Сынъ Человѣческій, и мы подошли къ Нему и увидѣли въ Немъ смертнаго человѣка. Онъ явилъ Себя Сыномъ Божіимъ въ знаменіяхъ и въ ученіи и въ свидѣтельствѣ Отчемъ; и всѣ видѣвшіе и слышавшіе могли вѣровать свидѣтельствамъ, что Онъ — Слово Отчее, Сынъ Божій — и вѣровали, и исповѣдывали. Но какъ ни крѣпка, какъ ни горяча была вѣра, человѣческая природа не могла вмѣстить ее въ себѣ, не въ силахъ была съ полнотою вѣры слить и примирить въ одномъ цѣльномъ чувствѣ мысль о томъ, что Богъ живетъ посреди насъ, какъ единъ отъ насъ. Во своя пріиде — и свои Его не пріяша. Елицы пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его, иже не отъ плоти . . . но отъ Бога родишася. Но и эти избранные, и эти чада Божіи — были тоже люди съ слабою природой человѣческой. Они видѣли ежедневно рядомъ съ собою — Сына Божія, и сколько ни любили Его, сколько ни вѣровали, сколько ни видѣли дѣлъ Его, не могли не соблазниться. Не одинъ изъ нихъ спрашивалъ себя въ недоумѣніи: нашъ Мессія, Сынъ Бога Живаго — Онъ ли это ѣстъ и пьетъ, и прикасается къ скверне человѣческой — и возлежитъ съ мытарями и грѣшниками? Онъ ли это — извѣстнаго рода, и извѣстной матери, рожденный на землѣ и на землѣ взросшій съ дѣтьми человѣческими? Онъ ли это, носитъ одежду человѣческую, и подчиняется закону, и подати платитъ чужеземной человѣческой власти? Онъ ли это — любитъ и скорбитъ, какъ человѣкъ, и проливаетъ слезы человѣческія о тѣхъ, кого любитъ? Онъ ли это, Мессія, — Богъ, Который неизвѣстно откуда приходитъ, и невѣдомо гдѣ пребываетъ, и въ славѣ является? Творилъ ли Он чудеса, повергшія всѣхъ въ ужасъ и изумленіе, — говорили: пророкъ великій воста въ насъ и посѣти Богъ людей Своихъ, — но вспоминали о прежнихъ пророкахъ, творившихъ чудеса, и въ недоумѣніи спрашивали себя: Онъ Мессія — отчего же вся природа наша окрестъ Его не измѣняется, и какъ это — Богъ посреди насъ, а мы и все вокругъ насъ остается по прежнему? Отчего — при Немъ и около Него остаются наши болѣзни, люди умираютъ и бѣдствуютъ какъ прежде, человѣкъ воздѣлываетъ землю въ потѣ лица своего, чужеземная власть угнетаетъ народъ Божій, беззаконные беззаконнуютъ, и неправда властвуетъ надъ правдой? Онъ ли это, тотъ, кого мы ждали, въ комъ чаяли избавленіе отъ неволи, отъ угнетенья, отъ бѣдствій: — отчего не

---

*) Извлечено изъ книги: «Праздники Господни» (К. П. Побѣдоносцева).

настаетъ царство правды и свободы и счастія? Онъ ли это — избавитель и царь — проповѣдуетъ намъ законъ терпѣнья и блаженство страданія и неволи? Гдѣ же власть Его и сила? Сотворитъ ли Онъ великое чудо — за восторгомъ и изумленіемъ слѣдуетъ соблазнительная мысль о томъ, каково будетъ новое чудо Его, въ чемъ Онъ Себя откроетъ, — и каждое чудо возбуждаетъ ненасытимую жажду новыхъ чудесъ. Насытилъ Онъ народъ въ пустынѣ — и родится мысль: отчего же, если это Богъ, одождившій манну, — отчего только тѣ насытились, кто былъ съ нимъ, — а цѣлыя тысячи не бывшихъ голодаютъ въ землѣ Іудейской? Отчего и тѣ, что насытились сегодня отъ руки Его, завтра должны по прежнему добывать себѣ хлѣбъ въ потѣ лица своего? Отчего здѣсь Онъ разслабленнаго возставилъ, мертвую воскресилъ, слѣпому возвратилъ зрѣніе, — а тамъ — тысячи гибнутъ отъ меча Иродова, сотни задавлены башнею Силоамской? Отчего Онъ Самъ не знаетъ, гдѣ главу приклонить, и ученикъ покупаетъ для него и для себя хлѣбъ изъ скуднаго денежнаго запаса? Онъ говоритъ о царствіи — и вѣруютъ и плачутъ отъ умиленія, — а на утро завязывается между учениками споръ о томъ, кому изъ нихъ въ этомъ царствѣ занять возлѣ Него первое мѣсто! А въ ту ночь, когда Его, какъ преступника, схватили и связали — всѣ соблазнились о Немъ, и прежде всѣхъ тотъ соблазнился, кто исповѣдалъ Его: Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго. Любовь его была горяча, но вѣра его не въ силахъ была вынесть противорѣчія дѣйствительности съ тѣмъ живымъ представленіемъ объ учителѣ, которое онъ себѣ составилъ. Въ связанномъ и поруганномъ плѣнникѣ онъ не въ силахъ былъ узнать того, кого призналъ Сыномъ Бога живаго, и вѣра его поколебалась. А когда Онъ съ беззаконными вмѣнился, когда висѣлъ на крестѣ, какъ послѣдній изъ злодѣевъ, въ которомъ еще могла оставаться вѣра въ Богочеловѣка? Въ эту минуту враги Его съ злобною усмѣшкой и вслѣдъ за ними чернь съ горькимъ презрѣніемъ звали къ Нему: если Ты Сынъ Божій, сойди со креста: когда увидимъ, тогда и увѣруемъ въ Тебя. И если съ тою же мыслью не обращались къ Нему въ эту минуту тѣ, кто любилъ Его и ходилъ съ Нимъ, конечно, одна любовь, та горячая и простая любовь, что не справляется съ вѣрой и не спрашиваетъ о возлюбленномъ: кто Онъ? одна она дѣлала эту мысль невозможною. А вѣра, одна вѣра человѣка? Въ эту минуту враги Его съ злобною усмѣшкой и вслѣдъ за же надѣяхомся, яко Сей есть хотяй возставити Израиля!".

Но вотъ, Онъ воскресъ, — и празднуетъ пораженная любовь, и оживаетъ умершая вѣра! Узнаетъ Христа — учителя, и видитъ — Онъ Самъ, но не тотъ, что былъ прежде, не тотъ, что скитался въ уничиженіи по путямъ и стогнамъ, "дондеже изведетъ въ побѣду судъ". Узнала Его Марія и зоветъ: Учитель! и въ восторгѣ готова броситься къ Нему — и слышитъ: "не прикасайся Мнѣ!" Узнали Его ученики за трапезою въ Эммаусѣ — и прежде чѣмъ успѣли закричать Ему отъ полноты сердца: Учитель! — Онъ уже "невидимъ бысть има". Онъ является имъ потомъ,

Онъ вкушаетъ у нихъ рыбу и медъ, Онъ даетъ Ѳомѣ осязать Себя — но уже не дѣлитъ съ ними дни и ночи и трапезы, и неосязаемо является, и неосязаемо оставляетъ ихъ, и, думая о Немъ, они говорятъ: *Господь!* и чувство любви къ человѣку сливается у нихъ съ трепетомъ благоговѣнія къ Господу. Уже не ходятъ они съ Нимъ, и только — ждутъ Его, у своего промысла, у своего дѣла, за которое каждый вновь принялся, будто оставивъ то дѣло, за которымъ ходили вмѣстѣ вслѣдъ за Христомъ. Они *видятъ* своего Господа тѣлесными очами. Это ихъ праздникъ: но празднику недолго длиться — и придетъ день Вознесенія. Нельзя человѣку въ тѣлѣ оставаться надолго въ томъ состояніи, въ которомъ находились апостолы по воскресеніи, и воистину сказалъ имъ Христосъ: "уне вамъ есть, да иду отъ васъ". Какъ имъ жить съ вѣрою и видѣніемъ, какъ вынесть то и другое вмѣстѣ? Какъ удержать въ себѣ всю цѣлость вѣры — когда есть видѣніе? Какъ уберечь въ чистотѣ мысль свою о Господѣ, Котораго живымъ видятъ предъ собою, какъ остеречься, чтобы не искать въ представленіи образъ Господень, видимый тѣлесными очами? Какъ видимое совмѣстить съ невидимымъ? Какъ не соблазниться желаніемъ сердца человѣческаго, приступая съ нимъ къ тому, въ Комъ исчезаютъ и объединяются желанія и Кто одинъ вѣдаетъ добро и зло и истину и начало и конецъ всего сущаго? Вотъ — въ прославленной плоти Своей Онъ является имъ и говоритъ имъ словеса духа и жизни "еже о царствіи Божіемъ", а они еще вмѣстить не могутъ! Они еще, сошедшись, вопрошаютъ Его: "Господи! аще въ лѣто сіе устрояеши царство Израилево?" Они думаютъ все еще о земномъ царствѣ Израилевомъ.

Но пришелъ день Вознесенія. Онъ вознесся отъ нихъ на небо, сказавъ имъ, что будетъ съ ними во вся дни до скончанія вѣка, и что пошлетъ обѣтованіе Отца Своего на нихъ. — Они не видятъ Его — видѣніе отъ нихъ отнято, — но какъ все въ нихъ измѣнилось вѣрою! Только съ того времени, какъ Онъ вознесся отъ нихъ на небо, они узнали Его и почувствовали въ себѣ обѣщанную крѣпость, обѣщанную радость, которой никто уже не отниметъ. Не видятъ тѣлесно Христа — Сына Человѣческаго, но никогда не чувствовали такъ близко присутствіе Сына Божія, Богочеловѣка. Всѣ они въ себѣ носятъ Христа Духомъ Святымъ, всѣ уразумѣли силу царствія и, не боясь смерти, идутъ проповѣдывать Его по вселенной. Нечѣмъ уже смущаться въ Немъ, когда Онъ вознесся во славѣ и возсѣлъ одесную Бога, — нечего желать, когда одно явилось сокровище на небѣ, всѣмъ равно близкое, всѣмъ равно желанное; нечего спорить о томъ, кто къ Нему ближе, когда Онъ, вознесшись отъ земли, всѣхъ привлекъ къ себѣ и всѣхъ призвалъ въ свободу чадъ Божіихъ; нечего помышлять о царствѣ Израилевомъ, когда всемірное царство Божіе открылось и каждый въ себѣ ощутилъ "правду и миръ и радость о Дусѣ Святѣ".

И теперь душа христіанская, разгорѣвшись любовію ко Христу, ищетъ видѣнія и скорбитъ о томъ, что видѣть не можетъ, не можетъ слышать

и осязать Христа своего. Малодушно это желанье! Когда бы вѣра была въ насъ твердая, оно не приходило бы къ намъ. Но вѣры мало въ насъ, и мы въ малодушіи сердца думаемъ: ахъ, когда бы увидѣлъ я Христа тѣлесными очами, когда бы жилъ при Немъ, какъ утвердилась бы моя вѣра! Мы забываемъ, что вѣру нельзя согласить съ видѣніемъ, и гдѣ есть видѣніе и ощущенье, тамъ, и именно тамъ, вѣра всего скорѣе ослабѣваетъ. Когда Онъ жилъ на землѣ, "ни братія Его вѣроваху въ Него". Какъ бы ни было горячо стремленіе къ Нему нашего сердца, — любовь Петрова была во сто разъ пламеннѣе; онъ жилъ съ Нимъ, слушалъ Его, видѣлъ Его — но въ часъ опасности, вѣра измѣнила Петру, и онъ отрекся! Изъ тѣхъ которые причали: распни Его! сколько было видѣвшихъ Его и чудеса Его, слушавшихъ Его и плакавшихъ отъ умиленія! Іуда былъ ученикъ Его — а что сталось съ Іудою! Сколько было свидѣтелей дивныхъ чудесъ Его, свидѣтелей Лазарева воскресенія — а въ часъ смертный, всѣ — оставльше Его, бѣжаша.

Нѣтъ — въ томъ, что должно въ цѣлости обнимать всю душу человѣка, въ цѣльномъ сознаніи Бога и вѣчности — не поможетъ намъ видѣніе. Вспомнимъ, что сказано о родныхъ Евангельскаго богача: "аще кто изъ мертыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры". Видѣніе только долей и отрывкомъ дѣйствуетъ на ощущеніе человѣческое, видѣніе только поражаетъ человѣка живымъ образомъ; прошло видѣніе, чувство ослабѣло — и въ душѣ родится вопросъ; онъ требуетъ новаго видѣнія, новаго опыта, новаго ощущенья — и нѣтъ конца вопросамъ, и нѣтъ конца сомнѣніямъ. Кто ищетъ преходящихъ образовъ и видѣній, чтобы на нихъ утвердить свою вѣру, тотъ не знаетъ, чего хочетъ. Вѣрою ходимъ здѣсь, а не видѣніемъ. Когда бы сказали намъ: *се здѣ* Христосъ или *се онѣ* мы пошли бы искать Христа внѣ себя, въ томъ или въ другомъ мѣстѣ — и гдѣ бы мы нашли Его? И нашедши Его въ одномъ мѣстѣ, мы стали бы подобно Іудеямъ, по желанію своего сердца и по представленію чувства, судить о томъ, какимъ показался намъ Христосъ, и вообразили бы себѣ Христа своего, и потомъ увидѣвъ Его вновь не такимъ, какимъ представило Его обманчивое сердце, и мы соблазнились бы, какъ соблазнялись Іудеи, ждавшіе избавленья, просившіе знаменія, какъ соблазнялись Еллины, искавшіе премудрости.

Троицынъ день.

Сегодня заключается кругъ праздниковъ, отъ самой недѣли Мытаря и Фарисея возводящихъ вѣрующую душу какъ-бы по ступенямъ молитвеннаго созерцанія отъ одного таинства къ другому. Мы созерцали тайну грѣха, тайну воплощенія, тайну страданія, тайну воскресенія. И вотъ, какъ вѣнецъ, какъ омега, начало и конецъ созерцанія, возсіялъ намъ и

осіялъ насъ радостью праздникъ св. Троицы. Люди Божіи! вѣдь это самая глубина нашей вѣры — это таинство *жизни* и *смерти.*

И стоитъ нашъ праздникъ какъ разъ на той порѣ года, когда возникаетъ отовсюду, возбуждается и возрастаетъ жизнь всякаго созданія. Вся земля цвѣтетъ и красуется, крины сельные одѣты славою, воздухъ кишитъ миріадами тварей — и каждый листъ, каждый цвѣтокъ, каждая былинка, каждая мошка — есть тайна созданія, великая, неразгаданная, но ощущаемая тайна. Посреди ходитъ — человѣкъ — величайшая тайна жизни, нося въ себѣ подобіе образа Божія, и надъ всѣмъ этимъ великая и страшная тайна вѣчности, отовсюду объемлющая жизнь! Посреди этой жизни, подъ кровомъ этой тайны, душа человѣческая чувствуетъ, что она откуда-то, по чьему-то велѣнію возникла вмѣстѣ со всѣмъ, что живетъ съ нею во вселенной, — и живетъ и стремится куда-то — къ своему началу! Какъ ей отрѣшиться отъ этой *тайны,* когда надъ нею высоко сводъ небесный съ таинственными свѣтилами мірозданія, вокругъ нея жизнь природы, исполненная таинствъ, внизу на землѣ и въ прахѣ земномъ — могилы, черезъ которыя прошло и проходитъ все живущее! И сколько бы ни слышалось вокругъ умныхъ и безумныхъ рѣчей о томъ, что нѣтъ никакой тайны, не повѣритъ этому душа человѣка и не перестанетъ отъ могилы обращаться вверхъ къ свѣтиламъ, и великимъ стремленіемъ истины искать Духа животворящаго, отъ Коего все исходитъ и Коимъ все содержится. —

И вотъ, чтобы не ослабѣла на пути наша вѣра, чтобы обновилось новой силой наше стремленіе, сегодня Св. Церковь составила намъ этотъ великій праздникъ и собрала на немъ всѣ словесныя черты великой тайны, чтобъ на нихъ сосредоточилось и процвѣло радостью молитвенное ея созерцаніе. Вотъ, уже въ той молитвѣ, которую каждый день привыкли мы твердить, сегодня слышится намъ точно новое торжественное откровеніе глубоко таящагося въ душахъ таинственнаго ожиданія: "Царю небесный, Утѣшителю, Душе истины, *Иже вездѣ Сый* и вся *исполняй,* Сокровище благихъ и *жизни Подателю,* пріиди и вселися въ ны и очисти ны отъ всякія скверны и спаси, Блаже, души наши!"

Вся утреня сливается какъ бы въ одну торжественную пѣснь Тріединому Божеству, Создателю и Спасителю міра, одухотворяющему жизнь всего живущаго во вселенной. "Во дворѣхъ Твоихъ воспою Тя, Спасе міра, и преклонь колѣна поклонюся Твоей непобѣдимой силѣ, вечеръ и утро и полудне и на всякое время благословлю Тя, Господи". И во всѣхъ этихъ пѣсняхъ, потокомъ несущихся на весь собравшійся Соборъ церковный, слышится, и у всѣхъ, большихъ и малыхъ, на лицахъ отражается тихая радость торжественнаго созерцанія тайны Божіей. Господь Іисусъ, Слово Божіе, "тихообразно совершивъ, — по словамъ церковной пѣсни, — сердца человѣковъ", вознесся на небо, но пребываетъ неотступно, и Духа Своего ниспослалъ ученикамъ, и сотворилъ ихъ ловцами человѣковъ, некнижныхъ мудрости научилъ, рыбарей бого-

словцами показалъ и открылъ имъ тайну языковъ, и послалъ ихъ во вселенную просвѣщать свѣтомъ сердца и души и вносить въ жизнь новые завѣты: одинъ — *любите другъ друга,* какъ Я возлюбилъ васъ, и другой завѣтъ: — *радуйтеся.* И, вотъ, сегодня, оглянемся вокругъ: на всѣхъ лицахъ тихая радость, всѣ несутъ съ собою цвѣты и зелень — знаменіе жизни и красоты, всѣ радуются на цвѣтущую со всѣхъ сторонъ природу и у всѣхъ играетъ сердце, когда послышится на литургіи потокомъ несущійся антифонъ: "небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь. Услышитъ тя Господь въ день печали. Спаси ны, Утѣшителю Благій, поющія Ти Аллилуіа!"

Въ свѣтѣ нынѣшняго праздника Церковь объемлетъ молитвою всю вселенную, въ вѣчности, предъ лицемъ вѣчнаго Бога, *Иже нѣстъ Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ.* Съ нами — сонмъ всѣхъ ближнихъ и малыхъ, оплаканныхъ нами въ жизни, и мы за нихъ молимся, вѣруя, что они *живы* и вмѣстѣ съ нами всѣ, всѣ совокуплены въ празднующую и молящуюся церковь, и мы въ памяти ихъ, улыбаясь, плачемъ, и плача, радуемся, что жизнь, по слову и по вѣрѣ Церкви святой сливается во едино со смертью въ единой вѣчности, и что смерть не гибель и уничтоженіе жизни, но "преставленіе съ худшаго на лучшее", отъ зла и неправды и рабства въ "свободу славы чадъ Божіихъ". —

КАНТЕМИРЪ (1708-1744).

КЪ 250-ЛѢТІЮ СО ДНЯ ЕГО РОЖДЕНІЯ.

Карамзинъ начинаетъ исторію русскаго литературнаго языка съ Кантемира. Великое значеніе его распознается въ началѣ XIX вѣка одновременно многими (Жуковскій, Батюшковъ, Шишковъ). Репутація Кантемира устанавливается прочно. Издавая сочиненія Кантемира въ составѣ русскихъ классиковъ въ 1836 г., гр. Д. Толстой такъ опредѣлялъ нашу словесность въ эпоху Кантемира: «Множество предметовъ, дотолѣ неизвѣстныхъ и заимствованныхъ у иностранцевъ, требовали наименованій: богатый Славянскій языкъ, какъ упрямый старикъ, упорно отказывалъ въ нихъ пришельцамъ. Отъ того произошла уродливая смѣсь иноземныхъ и Славянскихъ выраженій, которыми испещрены ново-русскія книги того времени, смѣсь, которая потомъ превратилась въ нѣкоторый видъ щегольства, вредный для хорошаго вкуса и пагубный для вкуса еще не образовавшагося». Бѣлинскій нѣсколько позже, писалъ: «Кантемиръ (въ сатирахъ) является первымъ писателемъ, вызваннымъ реформою Петра Великаго, образъ и духъ котораго глубоко впечатлѣл-

ся въ юношеской душѣ будущаго сатирика. Такимъ образомъ, Кантемиръ былъ первымъ сподвижникомъ Петра на такомъ поприщѣ, котораго Петръ не дождался увидѣть, но которое, какъ и все въ Россіи, приготовлено имъ же».

Антіохъ Кантемиръ, сынъ румынскаго господаря и его жены, гречанки, не имѣлъ ни капли русской крови. Воспитанный Петромъ, въ новыхъ его школахъ, онъ сталъ русскимъ и, хотя лишь раннюю молодость провелъ при Петрѣ, можетъ быть по справедливости названъ птенцомъ его гнѣзда. Феноменально способный (десяти лѣтъ, онъ въ присутствіи Петра говоритъ по гречески похвальное слово св. Димитрію), онъ съ дѣтства впиталъ въ себя богатую церковную культуру, въ соотвѣтствіи со складомъ жизни родительскаго дома, древле-благочестиваго. Извѣстна «Симфонія на псалтирь», имъ составленная, а также переложенія отдѣльныхъ псалмовъ. Воспринявъ впослѣдствіи культуру европейскую, въ которой онъ чувствовалъ себя, какъ дома, Кантемиръ не потерялъ вѣры, хотя, конечно, утратилъ цѣломудріе дѣтское. Онъ былъ духа Петрова. Семья Кантемира многимъ была обязана Петру, который взялъ ее подъ защиту отъ турокъ, а когда, во время неудачнаго похода противъ нихъ, ими поставленъ былъ вопросъ о выдачѣ Кантемира отца, то Петръ отвѣтилъ, что предпочтетъ отдать земли до Курска, но не посрамитъ своей чести такимъ поступкомъ. Въ исторію политическую Кантемиръ вошелъ (вмѣстѣ съ Татищевымъ), какъ авторъ знаменитой петиціи дворянства, получивъ которую Анна Іоановна разодрала знаменитыя «кондиціи», навязанныя ей верховниками. Кончилъ онъ жизнь 35 лѣтъ заграницей, виднымъ дипломатомъ, и на этомъ поприщѣ проявивъ недюжинныя способности.

Въ литературу вошелъ Кантемиръ, какъ авторъ сатиръ, которыя при жизни его стали знаменитыми, распространяясь въ спискахъ. Собраніе ихъ, авторомъ подготовленное къ печати и присланное въ Петербургъ, вышло въ свѣтъ лишь чрезъ 18 лѣтъ послѣ его смерти, а одна напечатана была только въ 1858 г. Тѣмъ не менѣе вліяніе его сатиръ было значительнымъ. «Я первый осмѣлился писать такъ, какъ говорятъ», — могъ по справедливости вложить эти слова Батюшковъ въ уста Кантемира. Не въ такой, конечно, обширной мѣрѣ, какъ то было съ «Горе отъ ума», но кое-что отъ сатиръ Кантемира отложилось даже въ разговорной рѣчи. Бытовая изобразительность роднитъ Кантемира съ Фонвизинымъ и позднѣйшими представителями обличительной литературы. Наибольшую извѣстность получила сатира «Къ уму моему», обличавшая ханжество и мракобѣсіе. «Расколы и ереси — науки суть дѣти, больше вретъ, кому больше дано разумѣти», — вотъ формула одного изъ героевъ сатиры, Критона, которая и является отправной точкой для обличеній автора. «Наука ободрана, въ лоскутахъ общита, — Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита, — Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ со службы, — Какъ въ морѣ страдавшіе отъ корабельной службы.» Такъ, созвучно съ Посошковымъ, оцѣниваетъ Кантемиръ отношеніе общества къ просвѣтительнымъ реформамъ Петра. Направляются обильныя стрѣлы авторскаго остроумія и противъ коснаго духовенства (двадцать лѣтъ автору): онъ всецѣло подъ вліяніемъ Ѳеофана Прокоповича, о которомъ восторженно

говоритъ, что ему «все извѣстно, что знати можетъ человѣкъ и умъ человѣчь понять». Ихъ обоихъ сближала страсть къ просвѣщенію. Близость ихъ была такова, что одинъ критикъ могъ сопроводить нѣкоторыя мѣста сатиръ Кантемира параллельнымъ текстомъ изъ проповѣдей Прокоповича. Тѣмъ болѣе показательнымъ для глубины и силы церковности Кантемира можетъ послужить то, что онъ счелъ себя вынужденнымъ подвергнуть рѣзкой критикѣ написанную Ѳеофаномъ «Краткую книгу для ученія отрокамъ», обнаруживъ въ ней протестантскій уклонъ въ вопросѣ почитанія иконъ и св. мощей. Умѣстно здѣсь подчеркнуть, что сатирическія обличенія Кантемира направлены противъ пороковъ и невѣжества духовенства, а никакъ не противъ Церкви.

По натурѣ Кантемиръ былъ мыслителемъ-моралистомъ, съ тягой къ кабинетному труду: даже дипломатическая служба не выводила его изъ своего рода затворничества. Будучи прекраснымъ лингвистомъ, Кантемиръ много времени удѣлялъ переводамъ. Переписка его, разнообразно-обширная (Кантемиръ былъ связанъ съ многими выдающими людьми Запада), пріобрѣтала иногда характеръ систематическихъ нравственныхъ разсужденій. Ему же принадлежитъ трактатъ по алгебрѣ. Болѣзненный, онъ говорилъ, что не страдаетъ только когда работаетъ. «Люби уединеніе для науки, люби науку для добродѣтели, люби добродѣтель для человѣчества» — такъ можно опредѣлить, его же словами, его философію жизни. Быть можетъ, меньше всего онъ былъ поэтомъ. «Любовныя пѣсни писать, я чаю, тѣхъ дѣло — Коихъ столько умъ не спѣлъ, сколько слабо тѣло». Характернымъ для него является гражданское негодованіе. Бороться со зломъ «дѣло пастырей — да они молчатъ: пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ», писалъ онъ. «Въ сатирахъ хочу состарѣти, а не писать мнѣ нельзя, не могу стерпѣти». Напротивъ того — «Рифмы не могу прибрать, какъ хвалить желаю». Предваряетъ онъ Гоголя словами: «Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ плачу». Лекаремъ общественныхъ язвъ ощущалъ онъ себя: «Когда стихи пишу, мню, что кровь пущаю». Даромъ ему то не проходило: «лучше вѣкъ не писать, чѣмъ писать сатиру, что приводитъ въ ненависть меня всему міру». Но одна лишь сатира его вдохновляетъ: «Какъ въ нравахъ вредно что усмотряю, — Подъ перомъ стихъ течетъ скоряе. — Чувствую самъ, что тогда въ своей водѣ плавлю — И что чтецовъ я своихъ зѣвать не заставлю».

Къ концу дней своихъ Кантемиръ говорилъ иное: «Ужъ горько мнѣ каяться, что дни золотые такъ непрочно стратилъ я, пиша пѣсни тыя». Послѣднимъ его трудомъ былъ переводъ нравоученія Эпиктета.

Предъ лицомъ Ангела Смерти потерялъ онъ вкусъ къ работѣ. Раньше пугала его смерть — теперь онъ спокойно-примиренно готовился къ ней. Поисповѣдовались у посольскаго священника въ Парижѣ, онъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье пріобщился Святыхъ Тайнъ. Былъ у обѣдни на второй день праздника, а на третій уже не могъ придти. 31 марта 1744 года тихо скончался, завѣщавъ похоронить себя въ Москвѣ, въ монастырѣ, гдѣ былъ погребенъ его отецъ (Никольскій греческій монастырь).

Есть слова, которыя мы употребляемъ, не подозрѣвая, что введены онѣ въ русскій языкъ Кантемиромъ: средоточіе, понятіе, начало (въ смыслѣ элементъ). Лишь ничтожная доля имъ написаннаго увидѣла свѣтъ.

АРХИМ. КОНСТАНТИНЪ.

Чудо Божіей милости.

Было это въ мартѣ 1919 г. Послѣ долгихъ поисковъ, волненій и хлопотъ мнѣ удалось найти нелегальную возможность проѣзда въ Финляндію, гдѣ я надѣялась встрѣтить брата. Со мною была моя единственная дочь, которой не было еще пяти лѣтъ. Оставляла я голодный и холодный Петроградъ, могилы недавно умершихъ родителей и бѣдную старую тетку, которая не могла рѣшиться покинуть родной городъ. Помогалъ мнѣ укладывать вещи бывшій деньщикъ брата. Онъ увязалъ два тюка на дѣтскія санки, устроилъ на нихъ удобно дочку, и мы двинулись къ Сестрорѣцкому вокзалу. Тамъ смѣшались съ толпой голодныхъ горожанъ, стремившихся доѣхать до загородныхъ станцій въ чаяніи обмѣнять носильныя вещи, занавѣски, ковры на картофель или молоко. Доѣхали мы до Лахты и, слѣдуя строгимъ инструкціямъ, дошли до подробно мнѣ описаннаго дома. Тамъ я сердечно простилась съ моимъ вѣрнымъ помощникомъ.

Хозяинъ дома провелъ меня съ дочерью черезъ лѣсокъ къ полуразрушенной холодной дачѣ. Ждали мы наступленія темноты, зарывшись въ сѣно. Ночью, на саняхъ, надо было ѣхать въ Финляндію по замерзшему заливу. Было уже за полночь, когда за нами пришли проводники. На нихъ были бѣлые халаты, а у насъ, по ихъ указанію, были приготовлены, чтобы накрыться ими, бѣлыя простыни. Осторожно пробирались мы къ берегу залива. Свѣтила, скрываясь иногда за облаками, луна. Съ моря дулъ пронизывающій холодный вѣтеръ. Между дюнами стояла запряженная въ сани лошадь, покрытая длинной бѣлой попоной. Въ сани были заранѣе уложены наши вещи. Насъ укутали въ простыни, и усадили. Проводники сѣли на облучокъ, и мы поѣхали.

Дочь притулилась ко мнѣ и заснула подъ шубой. Хотѣла я молиться, но не могла. Ни мыслей, ни страха не было. Какая-то пустота внутри. Вѣтеръ больно рѣзалъ лицо. Кругомъ — сѣро-зеленый ледъ залива и далеко, по сторонамъ, темная полоса берегового лѣса. Какъ долго мы ѣхали — не помню. Вдругъ яркій свѣтъ ослѣпилъ глаза. Мы остановились. "Что случилось?" — тревожно спросила я. Проводникъ коротко объяснилъ, что ѣдемъ мы между фортовъ и когда свѣтъ прожектора съ форта

будетъ освѣщать насъ, мы должны останавливаться: покрытые бѣлымъ сани и люди въ своей неподвижности не видны съ форта. Такихъ остановокъ было нѣсколько.

Казалось, мы все больше удаляемся отъ фортовъ; свѣтъ прожекторовъ становился менѣе яркимъ. Вдругъ лошадь остановилась. Проводникъ хлестнулъ ее кнутомъ, лошадь захрапѣла и попятилась. "Поди, посмотри что впереди", посовѣтовалъ второй проводникъ своему товарищу. "Ничего тамъ быть не можетъ, вотъ подхлестну еще, такъ пойдетъ". Съ нетерпѣніемъ и злостью сталъ проводникъ избивать лошадь. Она рванулась, послышался трескъ ломающагося льда и наши сани стали куда-то проваливаться. Все произошло такъ быстро, что никто и охнуть не успѣлъ. Очутившись въ водѣ мы, первое время, держались на поверхности благодаря нашимъ шубамъ. Прорубь, или, вѣрнѣе, каналъ, прорубленный совѣтскимъ ледоколомъ, оказался не широкъ. Проводники первыми выбрались на твердый ледъ. Прожекторъ съ форта все время насъ освѣщалъ, но теперь объ этомъ уже никто не думалъ. Одинъ изъ проводниковъ держалъ голову лошади надъ поверхностью воды, другой подхватилъ и вытащилъ на ледъ дочь. Сталъ онъ тащить и меня, но я чувствовала, что одежда, промокнувъ, тянетъ меня внизъ. "Трудно ее вытащить", сказалъ онъ товарищу. "Брось", отвѣтилъ тотъ. "Нѣтъ, нѣтъ маму мою надо вытащить", услышала я голосъ дочери. Она ухватилась за рукавъ моей шубы. "Да, вытащишь тутъ твою маму", ворчалъ проводникъ, но еще разъ попробовалъ. Съ его помощью удалось лишь выбраться на ледъ. Теперь оба проводника занялись вытаскиваніемъ лошади и саней. Но какъ они ни старались, тяжелыя сани не давали возможности лошади выбраться. Лошадь бѣшенно била ледъ копытами, стараясь выбраться, ледъ ломался, и лошадь снова погружалась въ воду. Почему не отрѣзали упряжь и, потерявъ сани, не спасли лошадь, — не знаю. Помню ужасъ смерти въ глазахъ лошади, когда ея голова, въ послѣдній разъ, поднялась изъ воды. Потомъ храпъ, всплескъ воды и все было кончено. Стояли мы четверо у проруби: два проводника, моя маленькая дочка и я. Ни минуты не думала я о потерянныхъ вещахъ. Старинное серебро, мѣха, кружева, все то, что поколѣніями береглось въ бабушкиныхъ сундукахъ! Думала только объ одномъ — спасти жизнь дочери. Проводники что-то въ полъ голоса обсуждали, а потомъ объявили мнѣ свое рѣшеніе. Они должны уходить и очень торопиться, чтобъ еще до разсвѣта быть въ Финляндіи. Моя маленькая дочь идти такъ скоро не можетъ, а нести ее такъ далеко они тоже не согласны. Предлагаютъ оставить мнѣ свои тулупы и чтобъ я, укутавшись въ шубы, осталась на мѣстѣ у проруби и ждала утра. Если они смогутъ, то пріѣдутъ за нами. "А если пріѣхать не сможете?" — рѣзко спросила я. Проводники развели руками. "Вы — женщина, да еще съ ребенкомъ; идите на фортъ и сдавайтесь". "Назадъ, къ большевикамъ! Никогда!" — возмутилась я. "Если вы насъ бросаете, то хоть направленіе покажите, куда надо идти — попробую дойти".

Проводники показали слабый отсвѣтъ на горизонтѣ и сказали, что въ томъ направленіи Финскій берегъ. пожелавъ мнѣ удачи, они ушли. Съ отчаяніемъ въ душѣ, крѣпко сжимая рученку дочери, прислушивалась я къ ихъ удаляющимся шагамъ. Вѣтеръ пронизывалъ мокрую одежду, дочь жаловалась на холодъ — надо было идти, чтобъ согрѣться. Трудно объяснить пятилѣтнему ребенку, что ночью надо куда-то идти, что нѣтъ у него больше привычной кроватки съ любимой игрушкой. Не помню, какъ объяснила все моей дѣвочкѣ. Но она обѣщала не капризничать и долго, долго идти, куда я ее поведу. За это должна я ей разсказывать ея любимую сказку о "Снѣжной королевѣ". Вотъ мы идемъ. Разсказываю спокойно, подробно и неторопливо. А на душѣ — безграничный страхъ. Кругомъ огромное пространство льда и снѣга. Вотъ слышу трескъ, а тамъ, дальше, какъ будто мелькаютъ какія-то тѣни — не волки ли? Издали доносится какой-то стонъ или вой. Или это только вѣтеръ на просторѣ залива? Главное — сохранять спокойствіе и ничѣмъ не напугать ребенка. Не спутать ходъ событій въ разсказѣ! Какъ заманчиво близокъ кажется берегъ по сторонамъ и какъ безконечно далеки и неясны очертанія берега прямо передо мной. Можетъ быть, свернуть въ сторону? Не вижу больше такъ ясно, какъ прежде, отсвѣтъ на небѣ. Почему онъ сталъ блѣднѣть и расплываться? Господи, Царица Небесная, спаси, сохрани, направь по пути правильному! Дай, Господи, силы не поддаться отчаянію, которое закрадывается въ душу...

Дочь устала. Шуткой, смѣхомъ ее стараюсь подбодрить. Можно позволить отдохнуть только стоя. Если сяду, не будетъ силъ встать. Когда останавливаюсь, дочь прижимается ко мнѣ и засыпаетъ стоя. Она согрѣлась, у нее теплая рука. но какъ она, бѣдняжка, устала!

Господи! Господи! Не потеряла ли я направленія? Сколько времени мы идемъ? Но надо продолжать разсказъ. "Вотъ и Гердѣ было холодно, когда она у лапландки свои рукавицы оставила..." Но почему же не видно больше совсѣмъ отсвѣта на небѣ?

Небо свѣтлѣетъ. Близится разсвѣтъ. Настанетъ утро,и эта ночь кончится. Еле идетъ доченька. Снять свою бѣличью шубу и, посадивъ на нее ребенка, волочить ее по льду? Но долго ли выдержитъ бархатъ и тонкая кожа неровности льда? А если останутся одни клочья, что тогда дѣлать съ дочерью? Нести ее? Сама еле иду. Только теперь замѣчаю, что потеряла въ проруби валенки и иду въ мягкихъ туфляхъ. Ноги нестерпимо болятъ. Вотъ начало свѣтать. Смотрю на личико дочери. Она идетъ съ закрытыми глазами. Губы синія, дрожатъ. Но обѣщаніе свое помнитъ: нѣтъ капризовъ, нѣтъ плача. Она больше не хочетъ слушать сказку: "Тамъ тоже холодно". Она повторяетъ только одно: "Когда будетъ кроватка?"

Берегъ какъ-то незамѣтно придвинулся къ намъ. Высокій берегъ, темныя сосны. Какой же это берегъ, куда мы дошли? "Мама я не могу двигать ногами". Ручка холодѣетъ въ моей рукѣ.

Замѣчаю въ этотъ моментъ два черныхъ пятна на льду. Пятна двигаются. Присматриваюсь — вороны! Показываю ихъ дочери. Она ободрилась, заинтересовавшись птицами. Дочь спотыкается, но все хочетъ поймать воронъ. Небо бѣлѣетъ, морозъ усиливается. Иду съ трудомъ, поддерживая дочь. Потянулъ съ берега вѣтеръ. Чудесный вѣтеръ, пахнущій жилымъ дымкомъ. Подняла голову. Господи! Берегъ кажется совсемъ близкимъ. Видны уже дома, но они еще въ предразсвѣтной дымкѣ. Но выше, на горѣ — уже первые лучи солнца. Ими освѣщена бѣло-розовая Церковь. Золотые кресты горятъ на ней. Мнѣ знакома эта церковь. Это — православная церковь дачнаго поселка Финляндіи. Въ Терріокахъ мы проводили лѣто въ счастливые годы моего дѣтства. Это — Финляндія! Останавливаюсь, преисполненная радости спасенія и горячей благодарности Богу. Съ берега къ намъ идутъ солдаты финской пограничной стражи. Они берутъ на руки дочку и отвозятъ насъ въ карантинъ. Проспавъ 24 часа, дочь проснулась веселой и здоровой.

Узнавъ обстоятельства моего прибытія въ Финландію, многіе говорили, что мнѣ "необычайно повезло". Другимъ, большинству, казалось невѣроятнымъ, что я могла такъ точно держаться направленія, и сомнѣвались въ правдивости моего разсказа. Не понимали они всѣ; Богъ и Царица Небесная вели и охраняли меня. Мнѣ, многогрѣшной, недостойной — было явлено чудо.

Какъ много должно быть легкомыслія въ человѣкѣ, чтобъ онъ не преобразился, послѣ всего пережитаго, не измѣнилъ свою жизнь, и не поставилъ ее всецѣло на путь Божій! Я же продолжала все такъ же пребывать далеко отъ Церкви. Теперь, въ старости, сознаю великую милость Божію ко мнѣ и мое, ничѣмъ не оправдываемое, къ этому равнодушіе.

Да проститъ меня Господь за все!

Е. Н.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

Страданіе Св. мученицы Пелагіи.

Май 3-ій день.

Когда царствовалъ злой царь Діоклитіанъ, въ городѣ Киликійскомъ Тарсѣ жила прекрасная, благородная и богатая дѣва Пелагія. Она услышала о Господѣ Іисусѣ Христѣ, увѣровала въ Него всѣмъ своимъ сердцемъ и рѣшила никогда не выходить замужъ. Мать ея, вдова, была язычница. Святая скрывала отъ нея свою вѣру. Въ то время царскій сынъ, слышавшій о красотѣ дѣвы Пелагіи, послалъ къ ея матери благородныхъ людей, чтобы они передали ей его просьбу: отдать ему въ супруги ея прекрасную дочь. Мать Палагіи обрадовалась. Святая же опечалилась: она перекрестилась и смѣло отвѣтила матери: «Я обручилась сыну Божію, Царю безсмертному». Царскій сынъ разгнѣвался и рѣшилъ замучить святую, если она откажется выйти за него замужъ. Святая Пелагія узнала отъ христіанъ, что епископъ города Тарса скрывается въ горахъ и рѣшила, съ Божіей помощью, найти его и принять отъ него святое крещеніе. Матери своей она сказала, что ѣдетъ въ гости, къ кормилицѣ. Мать св. Пелагіи одѣла ее, какъ будущую царицу, въ драгоцѣнную порфиру и со слугами отправила ее на колесницѣ къ кормилицѣ. Когда она подъѣзжала къ одной лѣсной горѣ, одинъ слуга святой Пелагіи, тайный христіанинъ, увидѣлъ человѣка, спускающагся съ горы. Онъ узналъ, епископа Клинона и сказалъ

другому слугѣ, тоже тайному христіанину: »Это - - человѣкъ Божій, Клинонъ епископъ».

Св. Пелагія тотчасъ повелѣла остановить колесницу, приказала слугамъ отдохнуть подъ деревьями, а сама пошла къ епископу и попросила его окрестить ее. Недалеко отъ мѣста, гдѣ они разговаривали, былъ источникъ. Святая дѣва внезапно увидѣла двухъ ангеловъ, стоявшихъ у источника и державшихъ въ рукахъ пресвѣтлое полотно. Когда святая вошла въ воду, ангелы покрыли ее дѣвическое тѣло полотномъ бѣлѣе снѣга. Епископъ крестилъ избранницу Божію.

Послѣ крещенія святая сняла царскую порфиру, сіяющую драгоцѣнными камнями, отдала ее епископу и попросила, чтобы онъ продалъ эту богатую одежду, а деньги роздалъ нищимъ.

Когда кормилица увидѣла новокрещенную дѣву Пелагію, то удивилась, какъ скромно, просто одѣта она. Но она еще замѣтила, что лицо ея стало еще красивѣе, чѣмъ раньше. Кормилица съ радостью приняла къ себѣ святую дѣву и только удивлялась, какъ измѣнилась она. Раньше св. Пелагія была горда и величава — теперь кротка и смиренна. Раньше говорила много — теперь была тиха и молчалива. Раньше любила ѣсть сладости — теперь постилась. Раньше любила спать на мягкой постели — теперь спала на твердомъ ложѣ. Молилась дѣва день и ночь.

И поняла кормилица, что она стала христіанкой. Кормилица сама вѣровала въ Сына Божія. Она горячо желала, чтобы святая дѣва такъ возлюбила Господа, чтобы желать пострадать за Него. Но она боялась, какъ бы царскій сынъ не сталъ искать дѣву въ ея домѣ, и отправила ее обратно къ матери. Когда святая приближалась къ дому, мать поспѣшила навстрѣчу къ ней. Увидѣвъ дочь въ простой одеждѣ, а не въ царской порфирѣ, она ужаснулась. Одинъ слуга ей тайно шепнулъ, что христіанскій епископъ крестилъ Пелагію. Узнавъ эту вѣсть, мать отъ печали заболѣла. Выздоровѣвъ, она поспѣшила къ царю и попросила дать ей воиновъ, чтобы найти христіанскаго епископа.

Святая Пелагія взяла съ собою нѣсколько слугъ - христіанъ и скрылась изъ дому съ ними за рѣку. Когда мать вернулась домой, она не нашла своей дочери. Она послала воиновъ разыскивать ее, а также епископа Клинона. Святая же рѣшила, съ помощью Божіей, принять муки за Христа и вернулась безстрашно домой. Она стала говорить матери о Единомъ, Истинномъ Христѣ. Но мать даже не хотѣла слушать святую дѣву. Она пошла къ царскому сыну и сказала ему: «Твоя Невѣста обручилася Богу». Царскій сынъ отъ горя убилъ себя.

Царь Діоклитіанъ въ гнѣвѣ повелѣлъ разжечь мѣднаго вола докрасна и внутрь него бросить святую Пелагію. Святая перекре-

стилась и, не дожидаясь, пока ее бросятъ въ раскаленную мѣдь, сама устремилась къ волу. Но лишь прикоснулась она къ раскаленной, пламенной мѣди, какъ мгновенно растаяли отъ огня ея святыя руки. Святая, точно не чувствуя боли, вложила голову въ окно воловье и всѣмъ тѣломъ влѣзла внутрь, громко славя Бога: «Слава Тебѣ, Господи, Единородный Сынъ Бога вышнаго». Такъ хваля Творца, предала она свою прекрасную душу въ руки Пречистаго и Безсмертнаго Жениха своего и, при пѣніи и ликованіи ангеловъ, вошла съ Нимъ въ Небесный Чертогъ. Тѣло ея растопилось, какъ масло, разлилось, какъ муро. Весь городъ наполнился благоуханіемъ.

Оставшіяся кости царь велѣлъ выбросить за-городъ, на гору.

По воли Божіей изъ пустыни пришли четыре льва и стали стеречь святыя кости, чтобы ни одинъ звѣрь не прикоснулся къ нимъ.

Господь открылъ блаженному епископу Клинону о кончинѣ св. дѣвы и о мѣстѣ, гдѣ находятся ея кости.

Епископъ взошелъ на гору, и львы, увидѣвъ Божьяго человѣка, подошли къ нему, поклонились и возвратились въ свою пустыню. Епископъ взялъ кости святой мученицы и скрылъ ихъ на самой высокой вершинѣ этой горы. Послѣ онъ воздвигъ церковь надъ мощами Невѣсты Христовой. Такъ окончила страданія св. муч. Пелагія за Господа нашего Іисуса Христа, Ему же слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Житіе Св. Великомученицы Ирины.

5 Мая.

Во времена далекія, когда еще св. апостолы проповѣдывали на землѣ св. Евангеліе, въ гор. Магедонѣ жилъ царь Ликиній. У царя была единственная дочь, шестилѣтняя Пенелопія. Она была очень красива. Красивѣе всѣхъ своихъ подругъ. Отецъ не хотѣлъ, чтобы люди смотрѣли на нее. Онъ очень гордился дочерью, и думалъ, что она лучше всѣхъ дѣтей, которыхъ онъ когда-либо видѣлъ. Онъ выстроилъ ей высокую башню вдали отъ города, среди тишины. Въ башнѣ были комнаты золотыя и серебряныя. Онѣ сверкали драгоцѣнными камнями. Онъ поставилъ золотыхъ идоловъ и приказалъ дочери покланяться имъ. Съ Пенелопіей жила

ея няня — старица Карія, и учитель — старецъ Аппеліанъ, также тринадцать подругъ.

Прошло шесть лѣтъ Однажды на башенной высотѣ, въ свѣтлой горницѣ своей сидѣла дѣва Пенелопія и смотрѣла сквозь открытое окно на лазоревое небо, на Божье небо съ его тихими облаками. Вдругъ въ окнѣ мелькнули голубиныя крылья. Затрепеталъ спокойный воздухъ, и, неожиданно, въ горницу влетѣлъ голубь. Онъ бросилъ передъ царевной свѣжую масличную вѣтвь, которую несъ въ клювѣ, и выпорхнулъ изъ окна — утонулъ въ пространствѣ Господнихъ небесъ... Вслѣдъ за голубемъ заплескали могучія крылья. Такъ же внезапно влетѣлъ въ горницу орелъ. Онъ опустилъ передъ царевной благоуханный вѣнокъ изъ цвѣтовъ райскихъ и такъ же скрылся въ небесной синевѣ. Только успѣлъ улетѣть орелъ, въ окнѣ показался вѣщій воронъ. Онъ принесъ царевнѣ таинственный подарокъ — малую змѣйку. Принесъ — и такъ же улетѣлъ.

Въ изумленіи была Пенелопія, не понимая, что означаютъ эти чудеса. Но учитель ея, старецъ Аппеліанъ, который былъ тайнымъ христіаниномъ, объяснилъ отроковицѣ, что чудеса эти — Божіи. Онъ повѣдалъ ей такъ: «Пенеполія, дочь царская, знай что голубь, — это твоя кроткая, чистая душа, вѣтка же масличная — благодать Божія, которая будетъ подана тебѣ во святомъ крещеніи. Орелъ, это будущая побѣда твоя надъ зломъ, надъ духами тьмы. Вѣнецъ же благоуханный награда небесная отъ Царя Христа за подвиги твои во имя Его. Воронъ со змѣею — врагъ нашъ дьяволъ. Отъ него потерпишь ты скорби, печали, гоненія. Учитель ей тутъ же разсказалъ о Господѣ нашемъ, Іисусѣ Христѣ и сказалъ, что она будетъ Невѣстой Христовой.

Пенелопія возлюбила Бога всѣмъ своимъ чистымъ сердцемъ.

На слѣдующій же день, послѣ чудесъ Господнихъ, посѣтили царевну отецъ съ матерью. Встрѣтила Пенелопія ихъ съ лицомъ сіяющимъ,какъ солнечный лучъ, радостная, счастливая тѣмъ, что узнала она о Спасителѣ нашемъ.

— «Возлюбленная дочь моя», — воскликнулъ царь Ликиній, ты уже — выросла, ты уже невѣста, тебѣ пора выходить замужъ.» Огорчилась Пенелопія и попросила отца дать ей подумать хоть недѣлю. Вечеромъ, глядя на звѣздное небо, воззвала она ко Господу: «Богъ Галилейскій, откройся, если Ты истинный — откройся, повѣдай мне; слушаться-ли мнѣ отца моего и выйти ли замужъ или остаться дѣвою ради Тебя?» Молясь, заснула Пенелопія. И вотъ видитъ она пресвѣтлаго ангела, который говоритъ ей: «Пенелопія, нѣтъ, не Пенелопія, но Ирина, голубица, невѣста Христова, по всей вселенной будетъ имя твое велико и дивно. Въ эту ночь придетъ къ тебѣ человѣкъ Божій — Тимоѳей — ученикъ св.

апостола Павла, и отъ него примешь ты святое крещеніе». Проснулась Пенелопія, и сердце ея радовалось. Божій ангелъ привелъ къ башнѣ св. Тимоѳея, и онъ крестилъ св. отроковицу, давъ ей новое имя — Ирина. И старица Карія и подруги св. Ирины, всѣ приняли святое крещеніе. Апостолъ Тимоѳей, уходя, предсказалъ царевнѣ, что за Небеснаго Жениха своего приметъ она великія муки.

День и ночь стала молиться св. Ирина со своими подругами. День и ночь въ башнѣ раздавались священныя пѣснопѣнія.

Незамѣтно прошло семь дней. Опять царевну посѣтили царь и царица. Св. Ирина такъ отвѣтила отцу: «Повѣдаю тебѣ, отецъ, что я стала невѣстой Небеснаго Жениха, Вѣчнаго, Чистаго, Безсмертнаго — Господа моего Іисуса Христа. Его люблю я, Ему поклоняюсь, Его восхваляю, Его благодарю, навѣки пребуду рабою Его! Онъ Богъ мой, Властитель мой, Единымъ словомъ сотворившій все великолѣпное небо, плавное теченіе облаковъ, зори цвѣтущія, красу земную, высоты горъ, долины благовонныя, тѣнистыя дубравы и поля неоглядныя. Его — солнце, Его — мѣсяцъ свѣтлый, Его — звѣзды ясныя, Его — вѣтры тихіе, Его — бури многошумныя».

Царь Линкиній и царица заслушались мудрыхъ пресвѣтлыхъ рѣчей дочери. Царь повелъ дочь въ городъ Магедонъ. Всѣ отроковицы города въ вѣнцахъ благоуханныхъ съ веселыми пѣснями встрѣчали царскую дочь. Когда народъ веселился, встрѣчая царя, царю вдругъ пришло на умъ, что его дочь — христіанка, что она больше не поклоняется богамъ. Онъ нахмурился и грозно сказалъ царицѣ: «Потеряли мы дочь, о царица, презираетъ она боговъ нашихъ, во Христа вѣруетъ». — «О, нѣтъ, царь, не разумѣешь ты, — отвѣтила царица. Царь Христосъ призываетъ въ вѣчную жизнь нашу дочь, пусть же погибнутъ золотые боги».

Царь разсердился и прогналъ прочь съ очей своихъ царицу. Онъ позвалъ дочь. «О чемъ печалишься ты, отецъ мой?» — спросила св. Ирина.

— «Я потому печаленъ», — отвѣтилъ царь, — что дочь моя вѣруетъ въ Распятаго Христа». — «Не зло то, не зло, отецъ, любитъ Бога Единаго, Истиннаго и надѣяться на Него, а не на безчувственныхъ золотыхъ боговъ», — сказала святая. — «Пенелопія, принеси жертву богамъ» — приказалъ царь. «Не Пенелопія, а Ирина, вотъ новое мое имя отъ святого крещенія» — кротко поправила царевна. «Принеси жертву богамъ» — яростно повторялъ царь. — «Не поклонюсь силамъ нечистымъ, духамъ зла» — отреклась святая.

Царь Ликиній повелѣлъ мучить дочь свою. Онъ приказалъ привести свирѣпыхъ коней и подъ ноги ихъ, на растоптаніе, бро-

сить св. Ирину. Отецъ смотрѣлъ, какъ мучили его дочь. Внезапно одинъ изъ свирѣпѣйшихъ коней оборвалъ узду, бросился на царя, схватилъ его крѣпкими зубами за правую руку и вырвалъ ее изъ плеча. Конь ударилъ такъ сильно царя, что онъ умеръ. Самъ же смиренно всталъ передъ царевной. Всѣ кони обступили святую и кротко и тихо взирали на нее. Конь, убившій царя по Божьему повелѣнію, проговорилъ человѣческимъ голосомъ: «Блаженна ты, Невѣста Христова, идешь ты, праведная, къ Жениху своему».

Св. Ирина со слезами помолилась надъ убитымъ отцомъ — и воскресъ Ликиній, и рука его стала здоровой.

Царь увѣровалъ во Христа Господа. Онъ крестился вмѣстѣ съ царицею, съ домомъ своимъ и съ тремя тысячами народа. Въ скоромъ времени царь и царица оставили царство и поселились въ башнѣ своей дочери, чтобы въ тишинѣ день и ночь прославлять Господа.

Царевна осталась въ городѣ Магедонѣ въ домѣ своего прежняго учителя, старца Аппеліана. Она проповѣдывала святое Евангеліе и ради Господа претерпѣла многія муки. Объ ея проповѣди узналъ новый, грозный царь Седекія, который царствовалъ въ городѣ Магедонѣ. Онъ призвалъ старца Аппеліана и вопросилъ: — «У тебя ли живетъ дочь царская». — «У меня, царь» — отвѣтилъ учитель. «Какъ живетъ она, о чемъ думаетъ?» — «День и ночь дѣва святая славословитъ Господа. Пища ея, — кусокъ хлѣба вечеромъ, питье — чашка воды. Спитъ она на землѣ.» — Приведи дѣву ко мнѣ», — повелѣлъ царь. «Радуйся, царь» — такъ привѣтствовала Седекію пришедшая святая. — «Принеси жертву богамъ, о дѣва», — повелѣлъ царь. Отказалась св. Ирина.

Царевну бросили въ глубокій, смрадный, темный ровъ, кишѣвшій змѣями, мерзкими гадами. Божій Ангелъ сошелъ къ дѣвѣ, убилъ всѣхъ змей, утѣшилъ святую и далъ силы претерпѣть всѣ страданія. «Призвать древодѣловъ, распилить пилами желѣзными дочь царскую, не почитающую нашихъ боговъ» — такъ повелѣлъ Седекія. Пришли древодѣлы, стали распиливать острѣйшей пилою тѣло дѣвическое — какъ о камень надломилась пила. Начали снова пилить — второй разъ сломалась пила. Осколки пилы ударили въ древодѣловъ, и пали они бездыханными. Принесена была новая, острѣйшая и крѣпчайшая пила. Положили на грудь святой мученицѣ тяжелый камень. Запилила пила — брызнула кровь святая. Царь сталъ смѣяться: «Гдѣ же Богъ твой? Что же не идетъ Богъ твой помочь тебѣ», — звучали слова царя. — То были послѣднія его слова. Вдругъ грозно свернула яркая молнія, загрохоталъ громъ, поднялся страшный вихрь, разверзлись небеса, проливая дождь, низвергая градъ великій. Помертвѣли отъ

страха слуги, пилившіе дѣвственное тѣло мученицы. Бѣжалъ царь. Бѣжала толпа народная. Молнія палила людей, градъ избивалъ ихъ до смерти. Наступившій грозный мракъ озарился свѣтомъ блистательнымъ, райскимъ. Появился сіяющій ангелъ Божій, онъ сбросилъ съ груди святой тяжкій камень, исцѣлилъ рану, сдѣланную пилою, и стала великомученица здорова и невредима.

Восемь тысячъ народа, увидѣвъ Божія Ангела, увѣровали въ Спасителя. Но не увѣровалъ жестокій царь. Онъ рѣшилъ положить святую подъ мельничный жерновъ, чтобы заживо стереть ее, хотѣли, было, пустить воду подъ колесо, но не потекла вода, вода, стала какъ камень, и жерновъ не двинулся съ мѣста. Народъ же, увидѣвъ святую мученицу, кроткую и тихую, вдругъ разъярился на царя и побилъ его камнями. Онъ въ страхѣ бѣжалъ изъ города и черезъ недѣлю умеръ. Такъ наказалъ Господь злого мучителя.

Послѣ его смерти сталъ царемъ его сынъ — Савахъ. И Савахъ повелѣлъ св. Иринѣ принести жертву богамъ. Когда она отказалась, бросили ее въ темницу, во мракъ и холодъ. Въ темницѣ святой явился самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и сказалъ ей: «Не бойся, дочь моя, Я съ тобой!»

Еще страшнѣе сталъ мучить святую царь Савахъ, — вбили ей въ пяты острые длинные гвозди, взвалили на ея слабыя плечи тяжелый мѣшокъ съ пескомъ, вложили въ уста ея грязную узду отъ скота и, какъ скотину, быстро погнали ее за городъ на мѣсто, назначенное для казни. Бѣжала, падала и поднималась вновь Христова мученица. Гвозди, какъ огонь, жгли пяты ея святыхъ ногъ, а она только кротко говорила: «Я, Господи, нижайшій скотъ у Тебя, не смѣющій взглянуть на Господина своего». Царскіе слуги били, ругали ее, а невидимо для людей рядомъ со святою шли ангелы и утѣшали ее, и великомученица, видя ангеловъ, радовалась. На мѣстѣ казни Свѣтлый Ангелъ ударилъ въ землю жезломъ и воскликнулъ: «Гибель, гибель врагамъ Божіимъ!» Загудѣла, потряслась земля. Разверзлась — и подъ землю провалились царскіе слуги. Среди испуганного народа спокойно стояла св. Ирина. Весь народъ смотрѣлъ на нее, и тридцать тысячъ увѣровали въ Спасителя, а царя Саваха убилъ грозный Ангелъ Божій. Но не кончились и тутъ страданія Невѣсты Христовой.

Царь гор. Каллиника Нумеріанъ давалъ однажды народу богатый, шумный праздникъ. На этомъ торжествѣ стала святая Ирина смѣло разсказывать людямъ о истинномъ Богѣ. «Волшебница, поклонись нашимъ богамъ!» — обратился къ ней царь. Святая перекрестилась и сказала: «Царь, ты скоро умрешь, бойся моего Бога». Царь отъ злости заскрежеталъ зубами, зарычалъ, какъ левъ, и повелѣлъ три мѣдныхъ вола раскалить до красна. «Если въ одномъ не сгоритъ волшебница», — пусть бросятъ ее во

второй, если и во второмъ не сгоритъ — пусть бросятъ въ третій» — такъ рѣшилъ царь Нумеріанъ. Бросили Невѣсту Христову въ раскаленный волъ. Въ огнѣ восклицала святая: «Господи, ради имени Твоего страдаю, помоги». Святую жалѣлъ народъ и сталъ говорить царю: «погубилъ, погубилъ ты, царь, прекрасную царевну!» Господь, однако, помогъ великомученицѣ. Божій Ангелъ остудилъ раскаленнаго вола, и святая вышла къ народу — живая и невредимая. Бросили св. царевну во второй волъ — и тамъ Ангелъ потушилъ огонь. Бросили въ третій — и въ третьемъ погасло пламя. И тутъ произошло дивное чудо. Господь повелѣлъ мѣдному волу двинуться съ мѣста, и онъ вдругъ пошелъ передъ глазами народа, какъ живой, возвратился затѣмъ на свое мѣсто и распался на части. Теперь весь народъ, какъ одна душа, воскликнулъ: «Боже Ирининъ, помилуй насъ. Сильный и Крѣпкій, помилуй насъ!» И десять тысячъ народа увѣровали во Христа. Господь наказалъ мучителя царя — онъ заболѣлъ и умеръ. Передъ смертью приказалъ онъ епарху-начальнику замучить царевну. Положили святую на желѣзную рѣшетку, связали веревками желѣзными, обложили множествомъ дровъ и зажгли большой огонь. Поливали мученицу масломъ, смолою и саломъ. Свѣтилась раскаленная рѣшетка, свѣтились желѣзныя веревки, а въ пламени святая пѣла тихо молитвы. Вдругъ въ огонь сошелъ Ангелъ, разорвалъ желѣзныя веревки, и изъ пламени вышла святая царевна, сіяя, какъ Божій Ангелъ, небесною красотою. «Вѣрую въ Сына Божія», — воскликнулъ епархъ, припалъ къ святымъ ногамъ великомученицы и плакалъ отъ умиленія.

Въ городѣ Месемвріи царствовалъ злой царь Саворій. Онъ услышалъ о жизни св. Ирины и об ея страданіяхъ за Господа. Царь ненавидѣлъ христіанъ. Онъ рѣшилъ погубить святую. Онъ своими руками убилъ мечемъ кроткую Невѣсту Христову. Но Христосъ Спаситель воскресилъ убитую, и вошла въ городъ Месеврію Ирина великомученица, сіяя святостію и чистотою, какъ бѣлая голубка. Она держала въ рукѣ масличную вѣтвь. Народъ радостно встрѣчалъ воскресшую и восклицалъ: «Дивенъ Богъ Ириниъ». Самъ царь Саворій поклонился царевнѣ. Онъ сказалъ ей: «Останься въ нашемъ городѣ, сдѣлай насъ христіанами». По Божьему велѣнію пришелъ въ городъ Апостолъ Тимоѳей и крестилъ царя и всѣхъ его людей.

Святая же направилась къ себѣ на родину, въ гор. Магедонъ. Она посѣтила башню, гдѣ жили ея родители. Нашла она только мать свою, царицу. Царь Ликиній уже умерь, ушелъ ко Господу въ рай. Малое время побыла царевна со своею матерью.

Однажды къ башнѣ опустилось съ неба легкое облако. Оно подняло святую и унесло въ городъ Ефесъ. Здѣсь стала она раз-

сказывать людямъ о Господѣ и исцѣлять больныхъ. Въ Ефесъ къ ней Богъ послалъ ея стараго учителя Аппеліана. Очень обрадовалась царевна, когда увидѣла старца, который ей когда-то такъ мудро объяснилъ чудеса Божіи, — что означили голубь, орелъ и воронъ, и который предсказалъ, что она вынесетъ многія муки за Господа.

Но теперь чувствовала святая, что она уже скоро, очень скоро уйдетъ съ земли въ Божій рай. Она часто говорила народу: «Радуйтесь, братья мои, миръ вамъ, я ухожу отъ васъ».

Кончина ея была тиха и радостна. Вмѣстѣ со старцемъ Аппеліаномъ и шестью христіанами пошла она за городъ, открыла въ скалѣ новый, пустой гробъ и сказала: «Покройте меня камнемъ гробнымъ и до четвертаго дня не поднимайте камня — я ухожу ко Господу». Святая попрощалась, перекрестилась, сложила руки на груди и легла въ гробъ. Поверхъ гроба положили большой камень. Въ четвертый день отвалили камень и не нашли во гробѣ святого тѣла. Поняли люди, что Господь воскресилъ великомученицу и перенесъ ее въ рай блаженный, гдѣ со многими Ангелами, Архангелами, Серафимами и Херувимами воспѣваетъ она Господа Нашего Іисуса Христа — Небеснаго Жениха своего, Которому слава, честь и поклоненіе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

М. В.

Училище благочестія

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова.

О МОЛИТВѢ ІИСУСОВОЙ.

Бесѣда старца съ ученикомъ *).

Отдѣлъ I.

О МОЛИТВѢ ІИСУСОВОЙ ВООБЩЕ.

Ученикъ: Можно-ли всѣмъ братіямъ въ монастырѣ заниматься молитвою Іисусовою?

Старецъ. Не только можно, но и должно. При постриженіи въ монашество, когда новопостриженному вручаются четки, называемыя при этомъ мечемъ духовнымъ, завѣщавается ему непрестанное, денно-нощное моленіе молитвою Іисусовою **). Слѣдовательно упражненіе въ молитвѣ Іисусовой есть обѣтъ монаха. Исполненіе обѣта есть обязанность, отъ которой нѣтъ возможности отречься.

Мнѣ сказывали старые монахи, что еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Саровской пустынѣ — вѣроятно и въ другихъ благоустроенныхъ Россійскихъ монастыряхъ — всякому поступавшему въ монастырь немедленно преподавалась молитва Іисусова. Блаженный старецъ Серафимъ, подвизавшійся въ этой пустынѣ, и достигшій великаго преуспѣянія въ молитвѣ, постоянно совѣтовалъ всѣмъ инокамъ проводить внимательную жизнь, и заниматься Іисусовою молитвою ***). Посѣтилъ его нѣкоторый юноша, окончившій курсъ ученія въ духовной Семинаріи, и открылъ старцу о намѣреніи своемъ вступить въ монашество. Старецъ преподалъ юношѣ душеспасительнѣйшія наставленій. Въ числѣ ихъ было завѣщаніе обучаться

---

*) Старцемъ называется въ монастыряхъ инокъ, руководствующій и наставляющій другихъ иноковъ.

**) Предисловіе схимонаха Василія Поляномерульскаго на главы блаженнаго Филоѳея Синайскаго. Житіе и писанія Молдавскаго старца, Пантія Великчковскаго, изданіе Оптиной пустыни. Москва 1847-го г.

***) Наставленіе 32-е. Изданіе 1844-го года, Москва. Старецъ Серафимъ родился въ 1759-мъ году, вступилъ въ братство Саровской пустыни въ 1778-мъ году, скончался въ 1833, 2-го января.

молитвѣ Іисусовой. Говоря о ней, старецъ присовокупилъ: «одна внѣшняя молитва недостаточна. Богъ внимаетъ уму, а потому тѣ монахи, которые не соединяютъ внѣшней молитвы со внутреннею, не суть монахи» *). Опредѣленіе очень вѣрное! Монахъ значитъ уединенный: кто не уединился въ самомъ себѣ, тотъ еще не уединенъ, тотъ еще не монахъ, хотя-бы и жилъ въ уединеннѣйшемъ монастырѣ. Умъ подвижника, не уединившагося и не заключившагося въ себѣ, находится по необходимости среди молвы и мятежа, производимыхъ безчисленными помыслами, имѣющими къ нему всегда свободный доступъ, и самъ болѣзненно, безъ всякой нужды и пользы, зловредно для себя скитается по вселенной. Уединеніе человѣка въ самомъ себѣ не можетъ совершиться иначѣ, какъ при посредствѣ внимательной молитвы, преимущественно же при посредствѣ внимательной молитвы Іисусовой.

Ученикъ. Сужденіе старца Серафима представляется мнѣ слишкомъ строгимъ.

Старецъ. Оно представляется такимъ только при поверхностномъ взглядѣ на него; оно представляется такимъ недостаточному пониманію великихъ духовныхъ сокровищъ, сокровенныхъ въ христіанствѣ. Блаженный Серафимъ произнесъ не свое собственное мнѣніе: онъ произнесъ мнѣніе, принадлежащее вообще святымъ отцамъ, принадлежащее православной Церкви. Говоритъ святый Исихій Іерусалимскій: «отрекшійся отъ всего житейскаго, отъ жены, имѣнія и тому подобнаго, содѣлалъ монахомъ лишь внѣшняго человѣка, а не и внутренняго, который — умъ. Тотъ — истинный монахъ, кто не отрекся отъ пристрастныхъ помысловъ: удобно можетъ онъ содѣлать монахомъ и внѣшняго человѣка, когда захочетъ. Не малъ подвигъ содѣлать монахомъ внутренняго человѣка. Имѣется ли въ современномъ поколѣніи монахъ, совершенно избавившійся отъ пристрастныхъ помысловъ, и сподобившійся чистой, невещественной, непрестанной молитвы, что служитъ признакомъ внутренняго монаха?» (Слово о трезвеніи, глава LXXX и LXXXI, Добротолюбіе, часть 2). Преподобный Агафонъ, инокъ Египетскаго Скита, будучи спрошенъ, что важнѣе, тѣлесный-ли подвигъ или подвигъ внутренній, отвѣчалъ: «Человѣкъ подобенъ древу; тѣлесный подвигъ подобенъ листу древа, а внутренній — плоду. Но какъ въ Писаніи сказано, что **всяко древо, нетворящее плода добра, посѣкается и во огнь вметается** (Луки, III, 9): то изъ этого явствуетъ, что все тщаніе наше должно быть о плодѣ, то-есть, о

*) Свѣдѣніе это получено отъ самаго совѣтовавшагося лица, нынѣ архимандрита Никона, настоятеля первокласснаго Георгіевскаго Балаклавскаго монастыря (1866-й годъ).

храненіи ума. Нужно и то, чтобъ древо было покрыто и украшено листьями, чѣмъ изображается тѣлесный подвигъ (Патерикъ Скитскій). «О чудо!» восклицаетъ блаженный Никифоръ Аѳонскій, приведши слова преподобнаго Агаѳона въ своемъ сочиненіи о духовномъ подвигѣ «какое изреченіе произнесъ этотъ Святый противъ всѣхъ, не хранящихъ ума, а уповающихъ на одно дѣяніе! **всяко древо не творящее плода добра**, то-есть блюденія ума, а имѣющее одинъ только листъ, то-есть, тѣлесный подвигъ, **посѣкается, и во огнь вметается.** Страшно, Отецъ, твое изреченіе!» (Никифора Монашествующаго Слово о трезвеніи. Добротолюбіе, ч. 2).

Храненіе ума, блюденіе ума, трезвеніе, вниманіе, умное дѣланіе, умная молитва, это — различныя наименованія одного и того же душевнаго подвига, въ различныхъ видоизмѣненіяхъ его. Душевный подвигъ переходитъ, въ свое время, въ духовный. Духовный подвигъ есть тотъ же душевный, но уже осѣненный Божественною благодатію. Этотъ душевный или духовный подвигъ Отцы опредѣляютъ такъ. «Вниманіе есть сердечное, непрестанное безмолвіе, всегда и непрерывно призывающее Христа Іисуса, Сына Божія и Бога, дышащее Имъ, съ Нимъ мужественно ополчающееся противъ враговъ, исповѣдающееся Ему, Единому имѣющему власть прощать грѣхи» (Святый Исихій Іерусалимскій, Слово о Трезвеніи, гл. V, Добротолюбіе ч. 2). Проще сказать — внутреннимъ дѣланіемъ, умнымъ, душевнымъ дѣланіемъ, умною молитвою, трезвеніемъ, храненіемъ и блюденіемъ ума, вниманіемъ называется одно и то-же: благоговѣйное, тщательное упражненіе въ молитвѣ Іисусовой. Блаженный Никифоръ Аѳонскій уподобилъ эти наименованія отрѣзанной части хлѣба, которая, сообразно виду ея, можетъ быть названа и кускомъ, и ломтемъ, и укрухомъ (Слово о Трезвеніи, Добротолюбіе ч. 2). Божественное Писаніе Ветхаго Завѣта законополагаетъ: **всяцемъ храненіемъ блюди твое сердце; отъ сихъ бо исходища живота** (Притч. IV, 23). **Внемли себѣ, да не будетъ слово тайно въ сердцѣ твоемъ беззаконія** (Второзак. XV, 9: По объясненію святаго Исихія, Слово о трезвеніи, гл. II). Бодрствованіе надъ сердцемъ и очищеніе его повелѣвается особенно Новымъ Завѣтомъ. Къ этому направлены всѣ заповѣданія Господа. **Очисти прежде**, говоритъ Господь, **внутреннее стклянницы и блюда, да будетъ и внѣшнее ихъ чисто** (Матѳ. XXIII, 26). Сосудами изъ хрупкаго стекла и малоцѣнной глины Господь назвалъ здѣсь человѣковъ. **Исходящее отъ человѣка, то сквернитъ человѣка: извнутрь бо отъ сердца человѣческа помышленія злая исходятъ, прелюбодѣянія, любодѣянія, убійства, татьбы, лихоимства, обиды, лукавствія, лесть, студодѣянія, око лукаво, хула, гордыня, безумство. Вся сія злая извнутрь исходятъ и сквернятъ человѣка** (Марк. VII, 20, 21, 22, 23). Святый Варсонофій Великій говоритъ: «если внутреннее дѣланіе съ Богомъ, то-есть, осѣнен-

ное Божественною благодатію, не поможетъ человѣку: то тщетно подвизается онъ наружнымъ, то-есть, тѣлеснымъ подвигомъ» (Отвѣтъ ССХ). Святый Исаакъ Сирскій: «не имѣющій душевнаго дѣланія, лишенъ духовныхъ дарованій» (Слово LVI). Въ другомъ словѣ этотъ великій наставникъ христіанскаго подвижничества уподобляетъ тѣлесные подвига, безъ подвига о очищеніи ума, ложеснамъ безплоднымъ и сосцамъ изсохшимъ: «они» — сказалъ Святый — «не могутъ приблизиться къ разуму Божію» (Слово 58). Святый Исихій Іерусалимскій: «неимѣющій молитвы, чистой отъ помысловъ, не имѣетъ оружія для брани: говорю о молитвѣ, приснодѣйствующей во внутренности души, о молитвѣ, въ которой призваніемъ Христа поражается и опаляется супостатъ ратующій тайно [1]). «Невозможно очистить сердце, и отогнать отъ него враждебныхъ духовъ безъ частаго призыванія Іисуса Христа [2]). Какъ не возможно проводить земную жизнь безъ пищи и питія: такъ невозможно безъ храненія ума и чистоты сердца, въ чемъ заключается трезвеніе и что называется трезвеніемъ, достигнуть душѣ во что-либо духовное, или освободиться отъ мысленнаго грѣха, хотя-бы кто страхомъ вѣчныхъ мукъ и понуждалъ себя не согрѣшать» [3]). «Если точно хочешь постыдить стужающіе тебѣ помыслы, безмолвствовать въ душевномъ мирѣ, свободно трезвиться (бодрствовать) сердцемъ: то Іисусова молитва да соединится съ дыханіемъ твоимъ, — и увидишь это совершающимся по прошествіи немногихъ дней [4]). «Невозможно плаваніе кораблю безъ воды: и блюденіе ума не возможетъ состояться безъ трезвенія, соединеннаго со смиреніемъ и съ непрерывающеюся молитвою Іисусовою» *). Если имѣешь желаніе о Господѣ не только представляться монахомъ и благимъ, и кроткимъ, и постоянно соединеннымъ съ Богомъ, если имѣешь желаніе быть истинно такимъ монахомъ; всеусильно проходи добродѣтель вниманія, которая состоитъ въ храненіи и блюденіи ума, въ совершеніи сердечнаго безмолвія, въ блаженномъ состояніи души, чуждомъ мечтательности, что обрѣтается не во многихъ *). Истинно и существенно монахъ — тотъ, кто исправляетъ трезвеніе: и тотъ истинно исправлять трезвеніе, кто въ сердцѣ — монахъ (уединенный)» **). Такому ученію святыхъ Отцовъ служитъ основаніемъ, какъ зданію краеугольный камень, ученіе Самого Господа. **Истинніи поклонницы**, — возвѣстилъ Господь — **поклонятся Отцу Духомъ и истиною: ибо Отецъ таковыхъ ищетъ поклоняющихся Ему. Духъ есть**

---

1) 2) 3) 4) Святого Исхія Слово о Трезвеніи, гл. XXI, XXVIII, CIX, CLXXXII, CLXVIII.

*) Святаго Исхія Слово о Тревеніи, гл. XXI, XXVIII, CIX, CLXXXII, CLXVIII.

*) **) Святаго Исихія Слово о трезвеніи, главы CXV, CLIX.

Богъ: и иже кланяется Ему, Духомъ и Истиною достоитъ кланятися (Іоан. IV, 23, 24).

Помню: современные молодости моей нѣкоторые благочестивые міряне, даже изъ дворянъ, проводившіе очень простую жизнь, занимались Іисусовою молитвою. Этотъ драгоцѣнный обычай, нынѣ, при общемъ ослабленіи христіанства и монашества, почти утратился. Моленіе именемъ Господа Іисуса Христа требуетъ трезвенной, строго нравственной жизни, жизни странника, требуетъ оставленія пристрастій, а намъ сдѣлались нужными разсѣянность, обширное знакомство, удовлетвореніе нашимъ многочисленнымъ прихотямъ, благодѣтели и благодѣтельницы. **Іисусъ уклонися, народу сущу на мѣстѣ** (Іоан. V, 13).

Ученикъ. Послѣдствіемъ сказаннаго не будетъ-ли залкюченіе, что безъ упражненія молитвою Іисусовою не получается спасеніе?

Старецъ. Отцы не говорятъ этого. Напротивъ того преподобный Нилъ Сорскій, ссылаясь на священномученика Петра Дамаскина, утверждаетъ, что многіе, не достигши безстрастія, сподобились получить отпущеніе грѣховъ и спасеніе (Уставъ скитскій, (Слово I). Святый Исхій, сказавъ, что безъ трезвенія нѣтъ возможности избѣжать грѣха въ **мысляхъ,** назвалъ блаженными и тѣхъ, которые воздерживаются отъ **грѣха на дѣлѣ.** Онъ наименовалъ ихъ насилующими царство небесное (Святаго Исихія Слово о Трезвеніи, гл. СХ слич. съ глав. СІХ). Достиженіе же безстрастія, освященія, или, что то же, христіанскаго совершенства, безъ стяжанія умной молитвы, невозможно: въ этомъ согласны всѣ Отцы. Цѣль монашескаго жительства состоитъ не только въ достиженіи спасенія, но, по преимуществу, въ достиженіи христіанскаго совершенства. Цѣль эта предначертана Господомъ: **аще хощеши совершенъ быти,** сказалъ Господь, **иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и гряди въ слѣдъ Мене, вземъ крестъ** (Матѳ. XIX, 21. Марк. X, 21). Отцы, сравнивая подвигъ молитвы именемъ Господа Іисуса съ прочими иноческими подвигами, говорятъ слѣдующее: «Хотя и имѣются другіе пути и роды жительства, или если хочешь такъ назвать, благія дѣланія, руководствующія ко спасенію и доставляющія его тѣмъ, которые занимаются ими; хотя имѣются подвиги и упражненія, вводящіе въ состояніе раба и наемника (какъ и Спасителемъ сказано: **у Отца Моего обители много суть** (Іоан. XIV, 2): но путь умной молитвы есть путь царскій, избранный. Онъ настолько возвышеннѣе и изящнѣе всѣхъ другихъ подвиговъ, настолько душа превосходнѣе тѣла: онъ возводитъ изъ земли и пепла въ усыновленіе Богу» (Преподобные Каллистъ и Игнатій Ксанфопулы, гл. 98. Добротолюбіе, ч. 2).

Ученикъ. Направленіе современнаго монашества, при которомъ упражненіе молитвою Іисусовою встрѣчается очень рѣдко, можетъ-ли послужить для меня извиненіемъ и оправданіемъ, если я не буду заниматься ею?

Старецъ. Долгъ остается долгомъ, и обязанность обязанностію, хотя-бы число неисполняющихъ еще болѣе умножалось. Обѣтъ произносится всѣми. Ни множество нарушителей обѣта, ни обычай нарушенія, не даютъ законности нарушенію. Мало то стадо, которому Отецъ Небесный благоволилъ даровать царство (Лук. XII, 32). Всегда тѣсный путь имѣетъ мало путешественниковъ, а широкій много (Матѳ. VII, 13,14). Въ послѣднія времена тѣсный путь оставится почти всѣми, почти всѣ пойдутъ по широкому. Изъ этого не слѣдуетъ, что широкій потеряетъ свойство вводить въ пагубу, что тѣсный сдѣлается излишнимъ, ненужнымъ для спасенія. Желающій спастись непремѣнно долженъ держаться тѣснаго пути, положительно завѣщаннаго Спасителемъ.

Ученикъ. Почему называешь ты тѣснымъ путемъ упражненіе молитвою Іисусовою?

Старецъ. Какъ же не тѣсный путь? Тѣсный путь, въ точномъ смыслѣ слова! Желающій заняться успѣшно молитвою Іисусовою долженъ оградить себя, и извнѣ, и внутри поведеніемъ самымъ благоразумнымъ, самымъ осторожнымъ: падшее естество наше готово ежечасно измѣнить намъ, предать насъ; падшіе духи съ особеннымъ неистовствомъ и коварствомъ навѣтуютъ упражненіе молитвою Іисусовою. Нерѣдко изъ ничтожной, повидимому, неосторожности, изъ небрежности и самонадѣянности непримѣченныхъ, возникаетъ важное послѣдствіе, имѣющее вліяніе на жизнь, на вѣчную участь подвижника, — **и аще не Господь помоглъ бы ми, вмалѣ вселилася бы во адъ душа моя. Подвижеся нога моя: милость Твоя, Господи, помоги ми** (Пс. XCIII, 17, 18).

Основаніемъ для упражненія молитвою Іисусовою служитъ поведеніе благоразумное и осторожное. Во-первыхъ должно устранить отъ себя изнѣженность и наслажденія плотскія, во всѣхъ видахъ. Должно довольствоваться пищею и сномъ постоянно умѣренными, соразмѣрными съ силами и здоровьемъ, чтобъ пища и сонъ доставляли тѣлу должное подрѣпленіе, не производя непристройныхъ движеній, которыя являются отъ излишества, не производя изнеможенія, которое является отъ недостатка. Одежда, жилище и всѣ вообще вещественныя принадлежности должны быть скромны, въ подражаніе Христу, въ подражаніе Апостоламъ Его, въ послѣдованіе духу ихъ, въ общеніе съ духомъ ихъ. Святые Апостолы и истинные ученики ихъ не приносили никакихъ жертвъ тщеславію и суетности, по обычаямъ міра, не входили ни въ чемъ въ общеніе съ

духомъ міра. Правильное, благодатное дѣйствіе молитвы Іисусовой можетъ прозябнуть только изъ Духа Христова: прозябаетъ и произрастаетъ оно исключительно на одной этой почвѣ. Зрѣніе, слухъ и прочіе чувства должны быть строго хранимы, чтобы чрезъ нихъ, какъ чрезъ врата, не ворвались въ душу супостаты. Уста и языкъ должны быть обузданы, какъ-бы окованы молчаніемъ: празднословіе, многословіе, особливо насмѣшки, пересуды и злорѣчіе суть злѣйшіе враги молитвы. Отъ принятія братій въ свою келлію, отъ хожденія въ ихъ келліи должно отказаться: должно пребывать терпѣливо въ своей келліи, какъ въ гробѣ, съ мертвецомъ своимъ — съ своею душою, истерзанною, убитою грѣхомъ — молитъ Господа Іисуса о помилованіи. Изъ могилы — келліи — молитва восходитъ на небо: въ той могилѣ, въ которую скрывается тѣло по смерти, и въ могилѣ адской, въ которую низвергается душа грѣшника, уже нѣтъ мѣста для молитвы. Въ монастырѣ должно пребывать странникомъ, не входя въ дѣла монастыря по самочинію, не заводя ни съ кѣмъ близкаго знакомства, ограждаясь при трудахъ монастырскихъ молчаніемъ, посѣщая неупустительно храмъ Божій, посѣщая въ случаяхъ нужды келлію духовнаго отца, обдумывая всякій выходъ изъ своей келліи, выходя изъ нея только по указанію существенной надобности. Отъ любопытства и любознательности суетныхъ должно отказаться рѣшительно, обративъ все любопытство и всѣ изысканія на изслѣдованіе и изученіе пути молитвеннаго. Нуждается этотъ путь въ тщательнѣйшемъ изслѣдованіи и изученіи: онъ — не только **путь тѣсный**, но и путь **вводяй въ животъ** (Матѳ. VII, 14); онъ — наука изъ наукъ, и художество изъ художествъ. Такъ именуютъ его Отцы *).

Путь истинной молитвы содѣлывается несравненно тѣснѣе, когда подвижникъ вступитъ на него дѣятельностію внутренняго человѣка. Когда же онъ вступитъ въ эти тѣснины, и ощутитъ правильность, спасительность, необходимость такого положенія: когда трудъ во внутренней клѣти содѣлается вожделѣннымъ для него: тогда содѣлается вожделѣнною и тѣснота по наружному жительству, какъ служащая обителію и хранилищемъ внутренней дѣятельности. Вступившій умомъ въ подвигъ молитвы, долженъ отречься и постоянно отрекаться какъ отъ всѣхъ помысловъ и ощущеній падшаго естества, такъ и отъ всѣхъ помысловъ и ощущеній, приносимыхъ падшими духами, сколько бы ни были благовидными тѣ и другіе помыслы и ощущенія: онъ долженъ идти постоянно тѣснымъ путемъ внимательнѣйшей молитвы, не уклоняясь ни налѣво, ни направо. Уклоненіемъ налѣво называю оставленіе молитвы умомъ для бесѣды съ помыслами суетными и грѣховными; уклоненіемъ на-

*) Преподобный Кассіанъ Римлянинъ, Собесѣдованіе 2-е, о разсужденіи, блаженный Никифоръ Аѳонскій, Доброт. ч. 2, и многіе другіе Отцы.

право называю оставленіе молитвы умомъ для бесѣды съ помыслами, повидимому благими. Четырехъ родовъ помыслы и ощущенія дѣйствуютъ на молящагося: одни прозябаютъ изъ благодати Божіей, насажденной въ каждаго православнаго христіанина святымъ крещеніемъ, другіе предлагаются Ангеломъ хранителемъ, иные возникаютъ изъ падшаго естества, наконецъ иные наносятся падшими духами. Первыхъ двухъ видовъ помыслы, правильнѣе, воспоминанія и ощущенія содѣйствуютъ молитвѣ, оживляютъ ее, усиливаютъ вниманіе и чувство покаянія, производятъ умиленіе, плачъ сердца, слезы, обнажаютъ предъ взорами молящагося обширность грѣховности его и глубину паденія человѣческаго, возвѣщаютъ о неминуемой никѣмъ смерти, о безъизвѣстности часа ея, о нелицепріятномъ и страшномъ судѣ Божіемъ, о вѣчной мукѣ, по лютости своей превышающей постиженіе человѣческое. Въ помыслахъ и ощущеніяхъ падшаго естества добро смѣшано со зломъ, а въ демонскихъ зло часто прикрывается добромъ, дѣйствуя впрочемъ иногда и открытымъ зломъ. Послѣднихъ двухъ родовъ помыслы и ощущенія дѣйствуютъ совокупно по причинѣ связи и общенія падшихъ духовъ съ падшимъ человѣческимъ естествомъ, — и первымъ плодомъ дѣйствія ихъ являются высокоуміе, въ молитвѣ разсѣянность. Демоны принося мнимо духовныя и высокія разумѣнія, отвлекаютъ ими отъ молитвы, производятъ тщеславную радость, услажденіе, самодовольство, какъ бы отъ открытія таинственнѣйшаго христіанскаго ученія. Вслѣдъ за демонсикими богословіемъ и философіею вторгаются въ душу помыслы и мечтанія суетные и страстные, расхищаютъ, уничтожаютъ молитву, разрушаютъ благое устроеніе души. По плодамъ различаются помыслы и ощущенія истинно благіе отъ помысловъ и ощущеній мнимо-благихъ.

О, какъ справедливо называютъ Отцы упражненіе молитвою Іисусовою и тѣснымъ путемъ, и самоотверженіемъ, и отреченіемъ отъ міра! *). Эти достоинства принадлежатъ всякой внимательной и благоговѣйной молитвѣ, по преимуществу же молитвѣ Іисусовой, чуждой того разнообразія въ формѣ и того многомыслія, которыя составляютъ принадлежность псалмопѣнія и прочихъ молитвословій (Лѣствица, Слово 28, гл. 10).

---

*) Преподобный Нилъ Синайскій о молитвѣ, главы 17, 18, 142. Добротолюбіе, ч. 4.